

АЛЕКС ОРЛОВ

РУССКИЙ ФАНТАСТИЧЕСКИЙ БОЕВИК

ГРАНИЦА ЛАВЫ

Русский фантастический боевик

Алекс Орлов

Граница лавы

«ЭКСМО»

2020

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Орлов А.

Граница лавы / А. Орлов — «Эксмо», 2020 — (Русский фантастический боевик)

ISBN 978-5-04-105798-5

Агент Имперской Службы Безопасности Томас Брейн внезапно откомандирован высшим начальством на курсы для подтверждения квалификации. Но всем, кто знает Томаса, не требуется подтверждения его знаний и возможностей. Сам Брейн, как и Стормер, понимает, что им заинтересовались несколько соперничающих между собой служб и отделов разведки Империи. И действительно, вскоре на Томаса начинается настоящая охота, в которой переплетаются интересы как разведок, так и представителей военной обороны Империи...

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-105798-5

© Орлов А., 2020
© Эксмо, 2020

Алекс Орлов

Граница лавы

1

Брейн немного переоценил свою значимость. Он полагал, что продержится всего семь дней, а потом за ним приедут тяжеловооруженные ухари и под предлогом обмена опытом арестуют прямо в спортзале. Однако прошла неделя, потом другая, а он продолжал натаскивать свой взвод, стараясь успеть оставить им хоть что-то от собственного опыта, но в начале третьей недели его прямо с марш-броска по обширной территории базы вызвали к командиру – полковнику Стормеру.

Брейн передал управление взводом своему заместителю, сержанту, и пошел следом за посыльным, который то и дело оглядывался на капитана Брейна, ставшего за короткое время на базе своеобразной звездой.

Порой случалось, что грифы «секретно» и «совершенно секретно» ставили с большим запозданием, когда слухи уже распространялись за пределы места событий. Вот и рассказы о том, как Брейн сумел преодолеть «участок космического вакуума» и спасти город, обрастали все новыми устрашающими подробностями.

Подходя к знакомому еще по первому визиту на базу безликому бетонному корпусу, Брейн чувствовал, что полностью спокоен и готов принять новость, которую ему, без сомнения, вынужденно заготовил полковник Стормер.

Улучив минуту, посыльный свернул куда-то в бытовую секцию, должно быть, по нужде, но Брейн сам нашел нужный кабинет и, постучав, вошел, обнаружив полковника Стормера в расстегнутом кителе с початой бутылкой казенного рома на столе.

– Я сволочь, Томас, – сразу сказал полковник и залпом выпил очередную порцию.

– Не торопись, давай по порядку, – попросил Брейн, садясь у рабочего стола начальника, чтобы увидеть, какие тому приносили криптограммы и в какой последовательности.

Отчасти бумаги уже были перепутаны, но, учитывая, что полковник все еще твердо стоял на ногах, а бутылка лишь ополовинена, «военные действия» начались не раньше полутора часов назад. А последние депеши, судя по временным штемпелям, принесли менее получаса назад.

– Томас, я сволочь!..

– Джон, для меня важно, чтобы ты оставался в трезвом состоянии, иначе я не узнаю, что мне предстоит, – сказал Брейн, убирая бутылку и чувствуя непреодолимое желание самому выпить все до дна, чтобы на какое-то время забыть об этой ноющей боли. Ну сколько можно?!

– Ладно, прошу прощения, капитан, – произнес полковник, застегивая китель. Брейн указал ему на первую криптограмму.

– Это приказ откомандировать тебя в двадцать четыре часа на курсы подтверждения квалификации.

Брейн пробежал глазами текст и кивнул.

– Я просто так не сдался, Томас, ты не думай! – мотнул головой полковник. – Я тут же вызвал лейтенанта-связиста и потребовал отбить ответ: так, мол, и так, база на передовой в борьбе... с этими самыми, ну ты знаешь.

– Знаю, – подтвердил Брейн.

– Ну вот, говорю, а вы меня лишаете ценной штатной единицы. Не могу, дескать, никого отпустить, и точка. А они что, думаешь, сделали?

– Приказали? – попытался угадать Брейн.

– А вот ни хрена, посмотри на бланк... А, нет, это другой, вот – смотри! Прежде никогда не отзывались, клали на нас три прибора, а тут – посмотри! Тотчас направляют к нам двух молодых лейтенантов для пополнения командного состава!

– Оперативно.

– Все так, как ты и предупреждал, Томас! А я – сволочь и задница, прости меня!..

– Перестань винить себя, ты был не в курсе этих проблем. К тому же промолчи ты насчет моих подвигов, они все равно нашли бы меня, но на пару недель позже.

– И что ты предлагаешь? Вот так просто сдать?

– Почему сдать? Я не враг им, и они мне не враги. У нас существуют какие-то недоразумения, и я уверен, мы их разрешим и расстанемся довольные результатами.

– То есть ты... Ты правда веришь в то, что говоришь, Томас? – с долей недоверия уточнил Стормер.

– Разумеется. Ранним утром я поеду к ним в этот центр подтверждения квалификации и вскоре буду точно знать, где мы размолвились с этими привязчивыми ребятами.

– Ты просто успокаиваешь меня.

– Да, успокаиваю, потому что мне нужно распоряжение о подготовке проездных документов. Будь добр, Джон, отдай это распоряжение.

– Да отдам, конечно, куда я денусь... – упавшим голосом произнес полковник.

2

Спустя час Брейн уже собирал вещи в небольшой служебной квартире на территории базы. Он еще не успел привыкнуть к новому жилью, не успел ощутить его своим, поэтому расставался с ним без сожаления.

В последний раз принял душ из водозаменителя, побрился и освежился казенным средством после бритья.

Потом еще раз проверил, насколько аккуратно уложены пара его лучших костюмов, дюжина сорочек и три галстука, которые были куплены в надежде на широкие перспективы и новую жизнь, на которую Брейн надеялся, покидая майора Корсака.

– А может, выбросить эти шмотки? – вслух спросил себя Брейн, глядя на вещи, в которых все выдавало их благородное происхождение – и тонкий, едва заметный ворс, и подчеркнутая небрежность широких отворотов, и безупречная строчка.

«Нет», – сказал он себе, застегивая казенный чемодан. Ведь пока эти вещи из будущей, возможно, призрачной, спокойной жизни будут при нем, у него останется надежда.

Надежда на новую жизнь, когда тебе уже за пятьдесят.

Да, Брейн отлично выглядел, и его возраст угадывали только женщины – по уважительным манерам и выражению глаз. Глаза выдавали возраст Брейна, хотя седина и прочие предвестники старости его пока обходили.

Брейн объяснял это хорошей генетикой, любовью к физическим нагрузкам, ну и, конечно, несколькими восстановительными периодами разной длительности в госпиталях, где ему в лошадиных дозах кололи различные ударные препараты.

Знающие люди позже говорили ему, что иная оздоравливающая терапия была сродни поражающему фактору тритиевого боезаряда, однако после специнъекций Брейн принимал восстановители, а потом восстановители от последствий применения первых восстановителей и сдабривал все другими, подбиравшими остатки за предыдущими, и однажды на эту гонку у него ушло два месяца.

Ему пришлось выдержать несколько переливаний крови и лимфы, перенести чистки желудка и кишок, стимуляцию токовыми разрядами и много чего по мелочам.

Были моменты гнева и отчаяния, хотелось пришибить кого-то из персонала, но доктора свое дело знали, и в результате у него прижились все синтетические вставки, заменившие фрагменты плоти, пораженные зажигательными осколками.

Одним словом, все эти страдания, как теперь считал Брейн, дали ему толчок к обновлению организма, вот он и выглядел молодцом по сравнению со сверстниками.

3

Итак, прощай, база! Никаких слез, провожатых, прощальных салютов. Все документы были у Брейна с собой – командировочное предписание, маршрут с графиком движения, копии оплаченных военным ведомством билетов среднего класса на всех видах транспорта. Все это сдабривалось ярлыками на доплату за подписью полковника Стормера – таким образом, Брейн мог добираться до места бизнес-классом или его аналогами.

И снова знакомая бетонированная тропинка и знак окончания закрытой для связи зоны, после которой Брейн смог воспользоваться диспикером для вызова такси.

Он мог взять казенный транспорт – не пришлось бы топтать до шоссе, однако Брейну хотелось разорвать все связи разом. Он понимал, что сюда уже не вернется – это не входило в планы тех, кто его вызывал. А значит, и в его, Брейна, планы. Он был реалистом.

– Куда поедет, сэр? – спросил приветливый гоберли-таксист, распахивая перед Брейном багажный отсек.

– В «Порт-Империл».

– О!.. Мне, конечно, приятно, но согласно инструкции я обязан сообщить вам, сэр, что на пассажирском суперскурте вы лишь с одной пересадкой уложите в десять сакверов, я же возьму с вас сорок.

– Не люблю суперскурт, – сказал Брейн, садясь на заднее пассажирское сиденье.

– Не могу не сказать, что меня это радует, сэр, – усмехнулся гоберли, занимая водительское место. – Советую пристегнуться, мы поедет по скоростному шоссе – это входит в мою высокую таксу.

– Хорошо, – согласился Брейн, привычно надевая страховочную сбрую.

Машина тронулась, и пока ничто не говорило о ее скором разгоне – несколько километров им предстояло преодолеть по обычному шоссе, а уже потом свернуть на скоростное.

– В отпуск, сэр? – спросил таксист, когда они проехали пару километров.

– В командировку.

– Видимо, у вас хорошие командировочные.

– Видимо, – кивнул Брейн.

Потянулись вышки магистральной связи, над которыми время от времени загорались бледно-розовые короны, свидетельствующие о пересылке информационных пакетов большой плотности.

Брейн вздохнул и стал смотреть в другую сторону, на проносившиеся за прозрачным разделительным барьером машины встречного потока.

– Внимание, сэр, мы в тридцати секундах от перехода на скоростное шоссе, – предупредил словоохотливый гоберли.

– Что я должен делать?

– Посидите ровно во время ускорения, сэр, это позволит вам избежать травм.

– Не вопрос, посижу ровно.

Такси перешло в правый ряд, затем вкатилось в разгонный туннель и стало ускоряться так быстро, что Брейна начало приятно вдавливать в спинку кресла, а когда мелькание осветительных панелей в туннеле прекратилось, машина вылетела на шоссе, с ходу встроившись в редкий поток скоростного транспорта.

Здесь было больше скорости, больше простора и настоящей дорожной роскоши с широкими полосами и аэродинамической сеткой, позволявшей гасить паразитные турбулентные возмущения.

Брейн ожидал, что это удовольствие продлится с полчаса, а потом снова обычное шоссе, однако такси летело с ветерком почти до самого здания «Порт-Империала». Лишь на последнем отрезке машина соскочила в тормозной туннель – куда более узкий, чем разгонный, и, выпустив все щитки, задрожала под набегающим потоком воздуха.

Доставив пассажира до места и получив полный расчет, таксист отъехал в отстойник и включил на панели режим прогона тестов. Это требовалось для отчета перед диспетчером, который в реальном времени отслеживал на мониторе движение машин транспортной компании.

Просто остановиться таксист не мог: это не поняли бы в компании, под прикрытием которой он работал, а также собственное начальство, следившее за тем, чтобы агент «не спалился».

– Докладывает «дядя Пензер»...

– Кто? – переспросил удивленный голос, и таксист решил, что его случайно переконнектили на другого абонента. Но через мгновение он отбросил эту мысль, ведь это была спецсвязь.

– Докладывает «дядя Пензер»! – повторил он более настойчиво.

– Ай... Это... «Жинтарь-полста-восемнадцать» слушает...

– Какой «жинтарь»? Вы там хлорофилла объелись, что ли?! – возмутился агент.

На том конце послышалась какая-то возня с переключением гарнитуры с одного оператора на другого.

Наконец шорох и трескотня изломанного провода прекратились, и оператор профессионально поставленным голосом произнес:

– Приветствую, «дядя Пензер», «Ангелиось-три-пять-двенадцать» тебя внимательно слушает.

– Наконец-то. Я уже думал, вы пьяные валяетесь, а сервером теперь ваши девки управляют в голом виде.

– Да ты что? Такое только померещиться может, у нас тут суровая мужская действительность и семнадцатый час суточного дежурства. Ты чего хотел?

– Мне замначальника бюро нужен.

– Нужен – сейчас получишь...

Но не успели агента соединить с начальством, как на заднем плане послышался грохот какой-то посуды и раздались громкие девичьи вопли, где одна кричала, что ее ошпарила какая-то дура, а вторая возражала ей, что она сама такая.

Но тут соединили с замначальника.

– Слушаю тебя, Хамзат!

– Сэр, все прошло как по писаному. Принял его возле базы, доставил до «Порт-Империала». Настроение у объекта нейтральное, в разговор втянуть не удалось, но на контакт откликнулся.

– Понятно. Как твое мнение – намерен ли он отклониться от указанного маршрута?

– А я почему знаю? Там маршрут наверняка не на одни сутки, а я его...

– Заткнись, пожалуйста.

– Молчу, сэр.

– Думаешь, это я тебе опросник готовил?

– Думаю, нет, сэр. Вам его прислали, – догадался агент.

– А значит, что?

– А значит, задайте вопрос еще раз, сэр, кажется, у меня сформировалось несколько выводов.

– Итак, склонен ли он?..

- Склонность к нарушению маршрута проявилась в ситуации несформированной реактивной среды социального окружения, что говорит о возможном нарушении стандартных схем поведения в момент обострения деструктивных личностных факторов. Как вам такое, сэр?
- Дерьмо, надутое воздухом. Но для отчета сойдет.
- Так я отключаюсь?
- Да, отключайся... хотя... подожди!
- Слушаю, сэр.
- На «горизонте пятнадцать» снова шлюхи на дежурстве?
- Я не разобрался, сэр, похоже, там какие-то кастрюли и что-то там варят.

4

Вот и очередной пассажирский борт.

Брейну казалось, что он какой-то разъездной работник, поскольку в последнее время транспорта в его жизни стало больше чем нужно.

Не радовал даже уровень комфорта. Лучше бы пожить на одном месте, хотя бы год. Лучше пять, чтобы потом сразу на пенсию. Здесь для военных полагались хорошие пенсии, и Брейн вполне бы мог на такую рассчитывать, если бы не эти постоянные терки между спецслужбами и прочими госструктурами, где у него постоянно получалось принимать не ту сторону.

– Ваш багаж, сэр.

Это паж-канзас. Чемодан был нетяжелый, но Брейн разрешил персоналу доставить его до номера.

– Нам необходимо зарегистрировать вас, сэр.

Это уже менеджер по размещению пассажирского потока. Блондинка лет двадцати восьми, но скорее тридцати двух. Следовало учесть, что у сотрудников ее уровня бесплатный билет на поддерживающие и омолаживающие процедуры.

– Девушка, я хотел бы прямо сейчас пойти в номер, а зарегистрироваться после.

– Сэр, но тогда вы не сможете принять участие в розыгрыше «золотой пассажир» и не получите скидку на сладкую вечеринку в размере тридцати процентов!..

Брейну глубоко безразличны были все эти «золотые пассажиры», «платиновые клиенты» и «миллионные абоненты». Также его не интересовали «сладкие вечеринки» со скидкой или без, но в глазах хорошенькой менеджерши он заметил интерес и остался, сев на стул в баре, располагавшемся недалеко от входа, где у службы размещения находился небольшой офис.

Внимания Сэм, так звали блондинку, ожидало еще несколько пассажиров, поэтому их знакомство прошло быстро и формально, однако перед уходом она сунула Брейн в руку крохотную записку – «Приду после ужина».

Пассажирский супермонитор «Викрамеско» через час после прибытия Брейна на борт стартовал не с обычной площадки, а с гравитационных колонн, тем самым экономя семьдесят процентов топлива.

При этом обошлось без чрезвычайных режимов для пассажиров, и Брейн, даже не присев, пережил старт, рассматривая банные принадлежности в ванной и изучая инструкцию о правилах использования нелимитированной воды.

Номер, конечно, не как в «Спейсперл», однако вполне приличный. Оставив его, Брейн, не переодеваясь в гражданское, пошел прогуляться по лайнеру.

Военных здесь оказалось немного, и на него обращали внимание из-за его роста. Но впервые ему было на это наплевать.

До обеда еще имелось время, и Брейн решил осмотреть судно. Ему было интересно все, и останавливали его лишь замечания персонала, сообщавшего, что далее пассажирам вход запрещен.

Брейн извинялся, разворачивался и шел в другом направлении, и так продолжалось, пока на его бейджик не пришел сигнал, сообщавший, что пора обедать. Бейджик был оснащен говорящим навигатором, но Брейн в его подсказках уже не нуждался – он немного изучил судно и знал, где находится обеденный зал.

Брейн двигался вместе с оживившейся публикой, и на него вдруг нахлынули ощущения откуда-то из детства, когда пару раз он был в каких-то детских лагерях. Тот же сигнал на завтрак, обед и ужин. И все топали по коридору, ловя запахи столовой и пытаясь угадать, что сегодня подадут.

Здесь же, даже за двадцать шагов до распахнутых дверей обеденного зала, никаких посторонних запахов не ощущалось, за исключением каких-то древесных ароматов, подаваемых из подпотолочных аэраторов.

Однако стоило перешагнуть порог обеденного зала, как сейчас же появились все соответствующие запахи – салатов, супов, омлетов, мясных наборов.

Разумеется, весь этот спектр выдавали волновые имитаторы, заглушавшие запахи, пробывавшиеся с кухни, – испарения от дозаторов дезинфекции, фабричный запах пластика, из разных видов которого сделаны мебель «под дерево» и полы «под камень».

5

Вскоре Брейн нашел свой стол и порадовался, что в отличие от многих компаний здесь использовались полноразмерные столы, где не нужно было сидеть по струнке ровно, чтобы не заехать локтем в чужое блюдо.

Там уже сидел седоватый канзас в костюме пшеничного цвета и изучал длинное меню.

– Здравствуйте, прошу прощения, а какое место у вас указано? – спросил Брейн.

– Что? Неужели старина Оркейн снова уселся на чужой стул?! – воскликнул канзас, едва не подпрыгнув. Потом взглянул на своей бейдж и кивнул.

– Так и есть, простите великодушно!

– Ничего страшного, – улыбнулся Брейн, занимая освобожденное кресло, – в конце концов, нет никакой разницы, где сидеть.

– Бруно Оркейн! – представился канзас, протягивая через стол руку, и Брейн осторожно ее пожал, опасаясь, что разволновавшийся пассажир сшибет со стола приветственный букет.

Не успел Брейн сесть, как появились новые соседи по столу – дама-суперколвер лет сорока трех, с неестественным румянцем и неизменными борцовскими плечами, и девушка-варвар, сероглазая, светловолосая, с дорогой окраской волос под естественный цвет.

– Наконец-то нас окружают мужчины, Фелиция! – воскликнула дама, бросаясь к своему месту с такой решительностью, что едва не снесла официанта с перегруженным подносом.

Ее спутница скрыла смех и, чуть придержав подол платья, опустилась на свое место.

– Итак, мужчины, давайте знакомиться! – взяла инициативу в руки дама с борцовскими плечами.

– Не вопрос, милочка! Я – Бруно! – сыграл свой номер канзас и театрально повел зрачками.

– А я Томас, – признался Брейн.

– Меня зовут Фейли, но моя новая знакомая почему-то решила, что меня зовут Фелиция, – пожаловалась блондинка, которую Брейну хотелось назвать «профессиональной блондинкой». Глядя на нее, он не мог избавиться от мысли, что она сейчас на работе.

– Ну вот, подруга называется, взяла и всю меня распотрошила, а я, если кому интересно, Конкордия. И я еду на свадьбу к моему брату Питеру. Он живет в Мокасине, это такой город на Линарде – это такая планета.

– Делаем заказики! Заказики делаем!.. – прошелестел мимо стола старший официант, ловко забрасывая на столы книжечки-меню.

– А вы военный, да? – спросила Фейли, хлопая ресницами слишком часто.

– Да, я военный, – улыбнулся в ответ Брейн.

– Военные – это что-то! – всплеснула руками мадам-суперколвер и таки смахнула приветственный букет вместе с вазой, которые у самого пола поймал с удивительной проворностью седоватый канзас.

– Вот она, старая гвардия! – заметил Брейн.

– Дык, эта... Сам даже не понял... Аж в спину стрельнуло!..

И канзас принялся с запозданием растирать поясницу.

– Локоточки убираем... Убираем локоточки... – пронеслось по залу, и целые отряды официантов ринулись в гущу заторможенных клиентов, не успевших сделать выбор до указанного в меню времени, а значит, всем им теперь полагался «стандарт».

Брейн был знаком с этой системой, канзас также был знаком с ней. Ничуть не удивлялась таким порядкам широкоплечая мадам, да и Фейли-Фелиция восприняла блюдо со «стандартом» сначала вполне спокойно. Но неожиданно, после выразительного взгляда мадам, она вдруг вскочила с места и стала кричать:

– Я не буду это есть!.. Я еще не сделала выбор!.. Я не буду!..

Официанты удалились, не обратив никакого внимания ни на Фелицию, ни на еще полдюжины крикунов, которым другие пассажиры указали соответствующий пункт в меню.

Фелиции пункт не показывали, но она сама вдруг успокоилась и, вернувшись к стандартному блюду, приступила к еде.

Брейн тоже попробовал – вполне съедобно, хотя в небольших гарнирных городках поваров за такую стряпню могли призвать к ответу.

Минут десять в зале было относительно тихо, все поглощали «стандарт». Фелиция даже сумела обогнать всех, приступив к холодному «кофе», напитку из жидкостного картриджа, который должен был сработать только через минуту.

– Ой, какая дрянь, – сморщилась блондинка и получила под столом удар от мадам.

– А вы военный, да? – снова задала она свой вопрос, и Брейну пришлось снова подтвердить ее догадку.

– Я помню в наши времена, когда приходилось служить далеко от дома... – начал свой рассказ канзас, но на том и закончил.

Потом была смена блюд – снова «стандарт», после чего наконец подали десерт.

В общем, обед Брейну даже понравился, если бы не эта возня соседей по столу.

Он залпом допил какой-то фруктовый мусс, поднялся и, пожелав остальным приятного аппетита, ушел.

Какое-то время оставшиеся за столом допивали мусс, потом мадам, не обращая внимания на постороннего за столом, сказала:

– Ты вела себя как непрофессиональная дура.

– Отстань, я волновалась.

– Никогда не волновалась, а теперь заволновалась!

– От этого задания зависит моя карьера, как тут не волноваться?

Блондинка отодвинула мусс и, похлопав себя по бедрам в поисках сигарет, выругалась – она забыла, что на ней платье, а не брюки.

– Своими привычками ты выдаешь себя каждую минуту, – не упустила случая мадам.

– Да заткнись уже, – вяло отмахнулась блондинка. – Сама-то была совсем не убедительна.

– Это был такой образ.

– А вот и не образ.

– А вот и образ, дура крашенная.

Фейли хотела ответить, но неожиданно вмешался канзас.

– Заткнулись обе! – строго приказал он, и женщины притихли, уловив в голосе соседа властные нотки.

– Обе были неубедительны, но на первый раз сойдет, поскольку многие одинокие дамочки строят планы на такие поездки и ведут себя при мужчинах по-дурацки. Так что продолжаем работать.

– И... и что же теперь делать? – осторожно поинтересовалась мадам.

– Агент Ини пойдет выполнять стандартный подход. Номер апартаментов, надеюсь, знаете?

– Так точно, – кивнула Ини.

– А вам, агент Дора, нужно сделать так, чтобы агент Ини оставалась единственной кандидаткой на его внимание.

– Можно ли уточнить, сэр?

– Можно. Милашка Сэм из персонала – менеджер по размещению. Она назначила ему свидание после ужина у него в номере.

– Шустрый здесь персонал, – заметила агент Ини.

– Вот и учитесь у них, – сказал канзас и поднялся. – Общаемся кодом по обычной сети. И если кто еще не понял, я – Кросс.

Канзас ушел, к выходу потянулись и другие пассажиры.

– Подумать только, я думала, какой-то левый старичок... – призналась агент Ини.

– Да уж, сплошные сюрпризы. Ладно, пойдем и мы, мне еще нужно найти эту Сэм и прикинуть, как вывести ее из строя.

– Упади на нее. Случайно, – предложила напарница и захихикала.

– Шутница, – буркнула мадам, выходя из-за стола.

– Ну а что? Тогда в порту проканалю, – негромко напомнила агент Ини. – Клиент – в больничку, но живой. Начальник операции тогда тебя хвалил за находчивость.

– Я тебе сейчас кое-что скажу, только ты не хохочи тут как подорванная...

– Обещаю оставаться в рамках оперативной дисциплины, – ответила блондинка, не забывая отзывать улыбку на каждый заинтересованный взгляд мужчин. На всякий случай.

– Ну так вот, – продолжила агент Дора, когда они уже шли по коридору, – я тогда не специально на него упала, просто на полу было наблевано, и я поскользнулась.

Агент Ини остановилась с выпученными глазами, готовая взорваться приступом смеха, но напарница повернулась к ней и напомнила:

– Ты обещала.

Заметив красотку в непонятном состоянии, подошел суперколвер из экипажа судна.

– У девушки проблемы? Ей плохо? Я сейчас же вызову медика!..

– Не нужно, просто у нее перезагрузка. Скоро будет в порядке, – заверила агент Дора.

– То есть... она... – начал свой вопрос суперколвер.

– Да, только, пожалуйста, не привлекайте к нам внимание, это пока экспериментальный образец.

– Похоже, ей хуже! – заметил суперколвер, указывая на агента Ини, которую начало трясти.

– Идите уже, офицер, без вас разберемся.

Суперколвер пошел прочь, то и дело оглядываясь, а еще через минуту агент Ини смогла дышать и говорить.

– Ну ты палач, Дора!.. Я думала, взорвусь!..

– А я думала, не выдержишь и начнешь гоготать, как тогда в отеле «Силвия». Твой кавалер чуть в обморок не упал от таких звуков.

– Мой смех страшен. Иногда хорошо подходит, чтобы отгонять лишних мотыльков.

– Когда пойдешь к этому?

– Через часик. Сразу после обеда мужики неактивные. Мне самой нужно передохнуть, настроиться, перышки почистить. Такой шанс упускать нельзя, я в этой транспортной полиции достигла потолка, – призналась агент Ини.

Они с напарницей шли по коридору и были похожи на мать и дочь, если бы не расовые отличия.

– Слушай, ты не могла бы не стрелять глазами? А то они уже по второму кругу мимо проходят, чтобы на тебя пялиться.

– Извини, не буду.

– У тебя, помимо этого задания, могут появиться и другие шансы, а вот для меня это последний выстрел. Промахнусь – останусь в транспорте до пенсии.

– А что, в криминальном бюро пенсия выше?

– На пятнадцать процентов.

– Ненамного.

– Да, ненамного, но и работа почище, а коллеги повоспитаннее.

– Не думаю. Если у них пиджаки дороже, это не показатель.

6

Брейн в задумчивости пролистывал каналы ТВ-бокса, когда в его дверь постучали.

Он поднялся и, приблизившись к двери, прислушался, после чего все же открыл.

За дверями оказалась блондинка, соседка по обеденному столу.

– Хорошо, что я вас застала! – воскликнула она и проскочила мимо него в номер, потрясая каким-то предметом.

Брейн закрыл дверь и вернулся за ней.

– Вот, вы забыли свой дымовой модификатор на столе, – сказала внезапная гостья, протягивая приборчик, больше подходящий женщине, судя по украшениям.

– Наверное, это ваша вещица, Фейли, и вы использовали ее как повод прорваться ко мне.

– А хоть бы и так, Томас! – улыбнулась она, убирая модификатор в маленькую сумочку. –

Вы мне понравились, вот я и решила на безумство... Неужели я вам не нравлюсь?

Она покрутилась на месте, показывая себя со всех сторон.

– Если есть музыка, я могу даже станцевать... И даже без одежды...

– Не сомневаюсь.

– Томас, у вас такое лицо, будто вас дерьмом накормить собираются.

– Все в порядке, Фейли, – улыбнулся он наконец. – Вы милая девушка, а спальня у меня там.

С гордо поднятой головой Фейли проследовала в указанном направлении. Видно было, что игра с мужчиной наедине ей удавалась лучше, чем натужные сцены за обеденным столом.

Спустя два раза по полчаса «упражнений» они лежали поперек большой кровати и смотрели в потолок.

– Я бы сейчас чего-нибудь выпила, – сказала она и промокнула лицо подушкой.

– Предлагаю сначала в душ, потом выпьем в гостиной.

– Хорошо, только ты в душе меня не трогай, ладно? – попросила она. – С меня сегодня достаточно.

– Что я, по-твоему, механический монстр какой-то?

– Вот-вот, то самое определение, – сказала Фейли и, приподнявшись, со стоном повалилась обратно.

– Да брось ты притворяться! Пойдем скорее, а то вдруг вода закончится и придется пользоваться водозаменителем.

– Ой, напугал.

И все же Фейли нашла в себе силы подняться и, прикрывшись простыней, нетвердой походкой направилась в ванную.

«Придуривается», – подумал Брейн, полагая, что это такой вид подачи комплиментов.

Подождал, когда гостья вернется, и, наскоро приняв водные процедуры, присоединился к ней в гостиной, выйдя, как и она, в бежевом махровом халате.

– Чему ты улыбаешься? – спросила Фейли, расставляя на столике все, что нашлось в баре.

– Ты гармонично смотришься в чужой гостиной.

– Хамишь?

– Нет, просто наблюдение.

– Что будешь пить? – спросила она.

– А ты?

– Сегодня хочется покрепче.

– А что здесь покрепче? – спросил Брейн. – «Аллерт»?

– «Аллерт» плюс «Цикламин роуз».

– Сплошной сахар... – сморщился Брейн.

– Нет, тут еще фруктовая кислота имеется – для коктейлей, – сказала Фейли, демонстрируя бутылочку ядовито-желтого цвета.

– Сплошная химия.

– Нет, разумный синтез, – возразила Фейли, уверенно смешивая несопрягаемые компоненты, так что получилось шипящее нечто с высокой пеной.

– Сейчас осядет, и будет нормально, – заверила она, придвигая кресло к столику.

Брейн ограничился половиной стакана «Аллерта».

– За что будем пить, капитан? – спросила Фейли.

– За твое продвижение по службе.

– Вот зараза! – воскликнула Фейли и грохнула стаканом по столу.

– Ну а на что ты надеялась? – развел руками Брейн и сделал глоток «Аллерта».

– Да знала я, знала, что нас спалят на первом же прогоне! Нам же тексты выдали за час до выхода – уроды!

Фейли залпом ополовинила свою порцию и уставилась в пространство перед собой.

– Было бы о чем переживать, крошка. Какую задачу тебе поставил канзас?

– Ничего особенного – переспать с тобой, навести любовь.

– Ну так все и получилось. Какие сведения необходимы?

– Это, как его... Слово такое мудреное.

Фейли щелкнула пальцами, пытаясь вспомнить, однако действие фирменного напитка давало о себе знать.

– Психоформатный портрет?

– Во! Форматный! – подскочила Фейли. – Про «психа» я помню, а вот «форматный» все время вылетает.

– Ну это мы сейчас мигом составим, только ты халат поправь.

– Спасибо, Томас, но на сегодня я пас, к тому же к тебе какая-то фифа из персонала набивалась, – вспомнила Фейли, запахивая халат и завязывая пояс.

– После ужина, – кивнул Брейн, продолжая оценивать «Аллерт».

– Вот с ней и трали-вали. А я на сегодня отработала.

– Я дам тебе исток, и ты запишешь тезисы.

- Чего?
- Фейли, ты куда перейти метила?
- В имперскую криминальную.
- Ну хорошее дело. Только ты занимайся самообразованием, что ли. Нельзя по койкам прыгать и сразу на офицерскую должность запрыгнуть.
- Минуточку, я полгда... пылгда... полгода как уже лейтенант... мижу прочим.
- Фейли икнула и добила остатки термоядерного коктейля.
- Покайфовала, а теперь сожри какой-нибудь стифатор и пиши тезисы – это информационные блоки для составления психоформатного портрета.
- Ты нудный мужчина, Томас, – покачала головой Фейли и, потянувшись к сумочке, достала отрезвляющие таблетки.
- Как не хочется...
- Она посмотрела на Брейна, но тот оставался непреклонен:
- Можешь валить отсюда прямо сейчас – я тебе ничем не обязан.
- Нет, мне валить нельзя. Особенно прямо сейчас, – призналась Фейли и, проглотив таблетку, откинулась в кресле с закрытыми глазами, в то время как Брейн открыл для нее бутылку витаминизированной воды.
- Потом был небольшой семинар, во время которого Брейн предельно сжато объяснил, как и какие сведения нужно собирать, чтобы получить тот или иной тип психологического портрета. Когда краткий курс обучения был завершен, Фейли оставалась под его впечатлением все то время, пока надевала белье и перед зеркалом в ванной приводила в порядок лицо.
- Потом, уже подойдя к двери номера, она вдруг побежала обратно.
- Ты чего?
- Томас, они мне не поверят! – воскликнула она, вцепляясь в Брейна.
- Не бойся, перепиши все, что я рассказывал, своими словами, и будет похоже, что ты, как смогла, поняла, что такое этот портрет, и составила тезисы по-своему.
- Своими словами?
- Да, своими словами.
- Хорошо, – кивнула Фейли, однако, подойдя к двери, снова обернулась.
- Что опять?
- Та соска, что к тебе собралась... Дора должна ее притормозить.
- Дора – это...
- Ну да, та баба-бульдозер.
- Пусть тормозит, я на сегодня уже отработал, – сказал Брейн, а про себя подумал, что при такой популярности у юных особ хорошо бы иметь «фильтр», и эта Дора на подобную роль вполне годилась.

7

Когда Брейн шел на ужин, он чувствовал необыкновенную свободу.

Да, ему угрожала опасность, и вокруг снова витала неопределенность – та самая птица, которую он особенно не любил. Но жизнь научила его ценить те ее короткие периоды, которые выглядели как «свобода» и «счастье».

За столом он вел себя непринужденно.

Мадам смотрела на него с любопытством, канзас бросал короткие напряженные взгляды, а Фейли откровенно скучала. Она получила все и даже больше, поэтому хотела поскорее вернуться в номер и лечь спать. И еще ей нужно было повторить материал, чтобы он звучал так, будто она сама все это придумала.

И снова Брейн ушел первым. У него было хорошее настроение, и он не собирался его ни с кем делить. Он планировал поваляться перед ТВ-боксом и посмотреть какой-нибудь уставший боевичок – ему нравилась атмосфера удивительной сказочной натуральности таких фильмов.

После ухода Брейна канзас отодвинул пустой бокал и сказал:

– Не нравится мне, как он себя ведет.

– А мне нравится, – возразила Фейли и прикрыла ладошкой откровенный зевок. – Я собрала материал для отчета – можно я пойду?

Канзас вздохнул. Он собирался шантажировать агента Ини ее неумением собирать материал и принудить к оказанию ему неформальных специфических услуг. А что теперь? Она все собрала! Не факт, конечно, что у нее имеется что-то стоящее, но все равно неприятно, ведь у него были планы и всяческие фантазии.

– Ну хорошо, будем считать, что агент Ини на сегодня задание выполнила. А вы, агент Дора...

– Я все помню, – кивнула мадам.

– Значит, расходимся, и я жду отчета Доры.

Мадам кивнула, задумчиво водя по скатерти пальцем.

Не услышав положенного «есть», канзас хотел сделать замечание, но передумал и ушел.

– Ты чего? – спросила агент Ини.

– Ничего. Думаю, где эту Сэм перехватить.

– Зависит от того, как ты хочешь ее тормознуть. Замотать по работе или тупо к доктору отправить.

– На «замотать» времени нет, да и неохота. Подожду в коридорчике – там ниши для отдыха удобные.

– А зачем ее тормозить? Я же собрала отчет.

– Может, уже и ни к чему, но приказ есть приказ.

И они пошли к выходу, а потом расстались – Ини отправилась в номер отсыпаться, а Дора – занимать позицию в одной из ниш, где имелся мягкий, обитый плюшем диванчик, с которого удобно следить за всеми, кто проходит мимо.

Выдвигаясь к месту засады, Дора по привычке отсматривала все «точки контроля и фиксации», то есть камеры и видеодатчики, работавшие в режиме онлайн.

Схемы расстановки всех этих устройств ей как работнику транспортной полиции были хорошо известны, однако как опытный специалист она на всякий случай вглядывалась в обшивку стен, поскольку иногда по инициативе местного начальства в стыках панелей устанавливали дополнительные камеры.

А ей сегодня лишние глаза категорически не требовались, ведь несмотря на то, что она выполняла официальный приказ, способы выполнения в этом приказе не были прописаны.

Добравшись до места засады, агент Дора прошла мимо и, удостоверившись, что ее действия не окажутся записанными на камеры безопасности, заняла место на диване.

Итак, все, что ей требовалось сделать, – найти повод к ссоре, а потом зарядить крошке пощечину, да такую, чтобы половина лица опухла. Тогда крошке будет не до мужиков, и она побежит плакаться главному менеджеру, а тот потом пошлет к обидчице адвоката, чтобы выяснить причины конфликта. Одним словом, здесь, на борту, вся сила была на стороне пассажиров, и персоналу приходилось терпеть, поскольку любой скандал шел на пользу конкурентам.

Прошло десять минут, и агент Дора начала понемногу раздражаться. Коллега Ини уже храпела в койке или приканчивала припрятанный Дорой «Аллерт», а она тут прохлаждается – да сколько можно ждать эту местную принцессу?

Дора хорошо рассмотрела ее на доске персонала. Такая из себя фифочка, на которую мужики пялятся, забывая про все на свете. Как на коллегу Ини. Но та своя, с ней столько

выпито, столько ссор и даже драк случалось. Ини хоть и шлюшка малеванная, но инвалидность мужику «оформит» за один заход.

Ну и на заданиях, когда одна против пары, а то и целой банды, Ини никогда не сдавалась, а порезы и дырки от пуль потом штриховали за счет казенной медицины.

Дора посмотрела на часы – прошло двадцать минут с окончания ужина, а этой Сэм еще не было.

А может, она раздумала? Или у нее на работе запарка, такое случалось.

Только ты настроился свалить пораньше, у тебя свидание или просто пьянка – друзья пригласили, а тут срочная разнарядка – лайнер компании «Кранзье» в опасности, и, по сведению службы внутренней безопасности, якобы готовится захват судна.

И все. Все свои планы засунь себе... в архив.

Сотрудников трамбуют в шаттлы, два часа все трясутся на каботажных маршрутах, где каждые пятнадцать минут торможение или ускорение, а потом, когда группа стыкуется с этим «Кранзье» или с лайнерами компаний «Шин-пен», «Спейсперл», или каких-то других, местный начбез заявляет: «Извините, мы сами разобрались. Всего вам хорошего».

– Поубивала бы этих уродов, – вслух произнесла Дора и сжала кулаки. Потом снова взглянула на часы – полчаса с окончания ужина, а этой принцессы все нет. Теперь одной пощечиной не отделаешься!

«Отобью ей весь ливер, – решила Дора, постукивая кулаком о ладонь. – Сначала в солнечное сплетение, да так, чтобы кровью отхаркивалась, а потом отобью ливер, – уточнила она, и в этот момент успела заметить промелькнувшее легенькое платье Сэм. – Ах ты ж...»

Дора выскочила из засады и понеслась вслед. Нельзя было допустить, чтобы жертва вышла в зону видеофиксации.

– Эй ты! – крикнула Дора и, увидев, что Сэм ее услышала и остановилась, встала тоже. – Сюда иди...

Девушка огляделась, будто ища поддержки, однако покорно пошла обратно.

«В мундирчике не пошла – переделась», – отметила ее наряд Дора.

Лично у нее против этой крошки ничего не было, только тупой приказ. А приди та на двадцать минут раньше, отделалась бы щелчком по морде. Но теперь... Теперь Сэм предстояло ответить за множество тех обид, на которые Дора в свое время не имела возможности ответить.

Перепуганная девушка приблизилась к Доре. Сэм выглядела такой незащитной, что широкоплечая мадам-суперколвер вместо заковыристой фразы, которую приготовила перед акцией, выдала незамысловатое:

– Ты че, сука, не здороваешься?

– Сама сука.

– Чего?!

Тяжелый кулак Доры просвистел в воздухе, но прошел мимо цели, а уклонившаяся от удара «Сэм», или как там ее звали на самом деле, толкнула мадам руками и, пока та пыталась вернуть равновесие, набросила ей на шею удавку и резко рванула вниз.

В глазах Доры сомкнулась черная мгла, а потом она почувствовала, что ее тащат к дивану – к тому самому месту, где она поджидала жертву, но теперь они поменялись ролями.

Сэм распахнула дверцу стенного магистрального шкафа, впечатала туда полупридушенную Дору и, сдернув петлю, с короткого разбега пробила ей кулаком в печень. Потом отошла и повторила чуть выше – в ребра, с одного удара сломав два.

Можно было добавить еще, чтобы сломанные ребра вонзились в легкое, но она и так уже вспотела, поэтому пришлось прикрыть дверцу шкафа и идти прежним курсом, выполняя на ходу дыхательные упражнения.

8

Когда в дверь снова постучали, Брейн не удивился и впустил в номер новую гостью.

– Ой, я так бежала! Так бежала – боялась опоздать! Запарилась вся!..

– Не беда, надеюсь, вам никто не помешал? – уточнил Брейн, запирая дверь.

– Помешал? Нет, в коридорах сейчас никого нет, сразу после ужина все сидят по номерам, а в бары выбирают ближе к десяти.

– Вам лучше знать, мисс. Присаживайтесь, у меня все готово, чтобы наводить коктейли, – предложил Брейн.

После ухода Фейли он почти ничего не менял, лишь убрал грязные стаканы.

– А давайте выпьем на брудершафт, Томас? – предложила Сэм, поднимая бокал с дорогой шипучкой.

– А давайте сразу в спальню.

– Не вижу препятствий, сэр, – усмехнулась она и залпом выпила свое вино.

«Хорошо, что сменил простыни», – подумал Брейн, принимая гостью в свои объятия.

И она понравилась ему больше, чем Фейли. Совсем другая школа, больше натуральности и обширный диапазон реакций.

– Ты как? – спросила она, переводя дух.

– В порядке.

– А в регистрации указано, что тебе далеко за пятьдесят...

– И что?

– Не похоже.

– Современная медицина творит чудеса.

– А ты? Еще одно чудо сможешь?

– Разве что в душе. Запах мыла меня возбуждает.

– Нет, Томас, это была шутка! – воскликнула Сэм и засмеялась. А спустя четверть часа в махровых халатах, которых в номере имелся необходимый запас, они потягивали коктейли и слушали, как потрескивали дрова в голографическом камине.

– Неужели медицина настолько помогает? – спросила Сэм.

– Да, – кивнул Брейн, прикинув, сколько вариантов фраз для этого момента было припасено у Сэм.

Ну, например: это было великолепно, милый. Или: мне бы хотелось, чтобы этот вечер никогда не заканчивался.

Их было великое множество, и Брейн предполагал, что их придумывает компьютерный бот, вроде тех, которые писали сценарии для «мыльных опер».

– Куда ты направляешься, Томас?

– В командировку.

– Что за работа такая – воевать? Ты не думал сменить профессию?

– Сменить профессию? – улыбнулся Брейн, глядя, как Сэм покручивает в руке какой-то талисман на шнурке. Она была милой, она была утонченной, и он не отказался бы провести с ней несколько дней, но его путешествие заканчивалось завтра вечером, а Сэм ожидала ее собственная работа.

– Да, сменить профессию на что-то более надежное, стабильное.

– Но у тебя-то самой она не слишком стабильная, – усмехнулся он.

– Менеджер по персоналу – надежное место, гарантированные тылы.

– Не исключаю. Но я про другую работу.

– Не понимаю тебя, Томас, – сказала она и с этого момента перестала нравиться Брейну.

Вот Фейли – та сразу вышла из роли, когда поняла, что ее раскусили, а эта упрямо держалась за свою легенду.

– Я сегодня устал, Сэм, и если у тебя больше нет интересных тем для разговора, давай прощаться.

У гости подходящих тем не оказалось, и Брейн проводил ее до двери.

9

Целью первого этапа путешествия Брейна был большой пересадочный узел – станция Панорама, сочетавшая в себе, помимо большого пассажирского терминала, ремонтные доки и несколько производственных линий разного направления.

Собственное население станции составляло несколько тысяч человек, а постоянное количество транзитных путешественников достигало десятков тысяч.

Согласно графику движения, прилагавшемуся к проездным документам Брейна, он должен был прибыть утром, занять номер в гостинице и через несколько часов отправиться далее по маршруту следования. Однако Брейн еще не знал, что организатор его путешествия готовил сюрприз.

За полчаса до прибытия судна, на котором находился Брейн, в павильон, выводивший к рукаву швартовки этого судна, вышел военный интендант в майорском звании с небольшой папкой в руках и стал прохаживаться среди многочисленных пассажиров и встречающих, также ожидавших прибытия большого лайнера.

– Простите, вы не «Санкириот» ждете? – спросил его какой-то всклокоченный гоберли.

– Нет, – сухо обронил военный и отвернулся.

– Простите, а вы не «Санкириот» ждете? – обратился странный гоберли к другому встречавшему.

– Нет, потому что никакого «Санкириота» здесь не будет, – заверил тот. Но гоберли не сдавался и, опросив еще несколько пассажиров, опять вернулся к военному.

– Господин майор, а вы точно не «Санкириот» ждете?

Интендант смерил его бесстрастным взглядом и хотел было молча отойти, но тут на него натолкнулся еще какой-то незнакомец:

– Ой, извините...

Майор обернулся, но неуклюжий мужчина уже удалялся.

Дойдя до колонны, толкнувший майора мужчина взглянул на часы и, перейдя в соседний павильон, встал у стены с динамическим рекламным плакатом, где беззвучно мелькали яркие картинки.

Подошел гоберли, тот, что приставал к пассажирам с вопросом о «Санкириоте». Теперь его волосы были приглажены.

– Ну и что? – спросил он.

– Рано еще. Подождем пару минут.

И они стали ждать, переминаясь с ноги на ногу, отходя от стены с рекламой и возвращаясь.

Объявляли посадки и отправления, пассажиры перемещались группами и целыми потоками, а пара минут, казалось, тянулась до бесконечности.

– Ну? – нетерпеливо спросил гоберли.

– Вот теперь пора – до прибытия десять минут. Пока то да се – сработаем почти под ноль.

Он достал запасной диспикер и связался с полицией.

– Сэр, я хочу сделать срочное заявление. В порту «Панорама» готовится передача двадцати тысяч чеков электронного наркотика «розовый марабу». Продавец находится в четвер-

той зоне, у седьмого выхода. На нем военная форма майора интендантской службы и – внимание! – через пять минут он уйдет!..

Закончив разговор, оперативник включил на диспикере режим самоликвидации и бросил в урну-накопитель.

– Ну что там? Что они сказали? – свистящим шепотом уточнил гоберли.

– Просто поблагодарили. А вон, кстати, уже и копы.

Оттуда, где они с напарником находились, было видно, как к указанному ими месту торопливо подтягивались семеро полицейских из портового отделения. Они держались за оружие и были настроены очень решительно.

Добравшись до эскалатора, они побежали по нему наверх, расталкивая удивленных пассажиров. А спустя минуту появились на эскалаторе, спускающем пассажиров. Они с трудом удерживали брыкающегося и выкрикивающего ругательства «майора».

– Отлично сработано, – улыбнулся гоберли. А его напарник щелкнул кнопкой мини-рации и сказал:

– Руди, твой выход.

И спустя несколько секунд на смену «майору-интендату» вышел «капитан-пехотинец» с похожей папкой в руках, где лежал другой маршрут следования.

На закрытом эфирном канале началась паника.

– Докладывает «второй угол». У нас снесли «почтальона»!

– Как снесли?

– Чисто снесли. С помощью полиции! Его утащили в околотов, а до прибытия объекта пять минут!..

– Вот твари!

– А теперь на месте нашего почтальона другой!

– Но чей?

– Ты еще спрашиваешь? У него же на лбу написано! Что делать будем?

– Снесите их «почтальона».

– А дальше что? Мы должны предъявить объекту новый маршрут, а где мы его возьмем?

– Так... так... Дай подумать...

– Думай быстрее, сейчас чужак передаст сопроводилровку, и тогда начнется кутерьма!

Побегай потом за ними!..

– Напарник твой где?

– В резерве.

– Гони его в нотариальное бюро... как оно называется?

– «Глобус»!

– Во, в «Глобус»! У них должен быть принтбокс с защищенной голограммой!

– Понял вас, сэр, он уже побежал...

– Ладно, я на приеме, – сказал начальник и отключился, чтобы выругаться и поорать в одиночестве от отчаяния. А вдруг не успеют? Тогда придется писать оправдательные отчеты и все равно получать от начальства нагоняй, а потом такой же раздавать своим подчиненным.

Между тем сотрудник в штатском уже распахивал прозрачные двери портового филиала солидной нотариальной конторы и, увидев в дальнем углу комнату принтбокс, подбежал к нему, на ходу выхватывая удостоверение.

– Эй, кто вы? Остановитесь немедленно... – Бросившийся навстречу сотрудник не закончил фразу и посторонился, пропуская незнакомца к аппарату.

– Включен? – спросил незванный гость.

– Таки да, он всегда в фоновом режиме.

– А почему не срабатывает?! – закричал сотрудник ИСБ и резко повернулся, отчего полы пиджака раскрывались, обнажив пистолет и сетчатый бронежилет.

– Наверное, еще ничего не пришло. Вы откуда ждете почту?

Заработавший вдруг аппарат избавил сотрудника ИСБ от необходимости посылать клерка подальше. Однако все происходило не так быстро, как он ожидал, поскольку из-за чрезвычайно высокой степени защиты создаваемого документа принтбокс использовал весь спектр красок, а также металлических и оптико-электронных напылений.

Даже присутствовавшие сотрудники бюро, мужчина и хрупкая девушка, раскрыв рты, следили за странной, на их взгляд, работой аппарата. При них такого еще не бывало.

Наконец в лоток медленно выполз документ, на котором вспыхнул целый букет голографических печатей и лицензионных штампов.

Агент глянул на часы – до швартовки авиалайнера оставалось три минуты.

Он включил мини-рацию.

– Клейн, у меня порядок! Что делать дальше?

– Выходи к рукаву, я буду сносить «почтальона».

– А кто будет нашим «почтальоном»?

– Ты.

– Вот это новости, – процедил агент и, дернув с ближайшего стола подходящую папку, на ходу выбросил из нее какие-то бумаги и положил свежестопечатанную маршрутную карту на фирменном бланке ИСБ.

Выскочив из бюро, он помчался через зал, лавируя среди медлительной публики. А когда, перепрыгивая через ступеньки эскалатора, поднялся на второй ярус, увидел Клейна. Тот мчался навстречу с папкой в руках, а за ним мчался здоровенный военный, которого пришлось остановить – встречным в корпус, чтобы спасти Клейна.

– Молодец, Стив, – сказал Клейн, возвращаясь. – Иди, там уже швартовка началась. Фото ты видел.

– Видел. А с ним что? – спросил Стив, кивнув на корчившегося на полу военного, фуражка которого валялась перед выходом с эскалатора. Через нее перешагивала шокированная публика, посматривая на военного с сочувствием, а на Клейна с подозрением.

Вот-вот должна была появиться полиция, и, пока она не появилась, он положил фуражку поближе к ее хозяину, а потом вытащил из его внутреннего кармана удостоверение и, едва взглянув на него, убрал обратно.

Это был агент Управления стратегического планирования, подразделения Службы стратегической разведки.

«Родственничек», – неприязненно подумал Клейн, отходя от военного, который понемногу приходил в себя.

Между тем Стив благополучно отыскал в толпе выходящих в вестибюль пассажиров Томаса Брейна – высокого и широкоплечего в мундире капитана специальных войск – и вручил ему новую сопроводительную.

– Что это? – спросил Брейн, пристально глядя на Стива – невысокого канзаса с плутоватым лицом.

– Мне неизвестно, сэр. Откройте папку и ознакомьтесь.

Продолжая смотреть на «почтальона», Брейн открыл папку и, едва взглянув на документ, закрыл ее и огляделся.

– И где тут девятый рукав?

– Через два от этого, сэр. Вон там, – указал Стив.

– Спасибо, – поблагодарил капитан и двинулся в указанном направлении.

До отправления его следующего лайнера оставалось около получаса.

10

Когда старший звена, Клейн, доложил своему начальнику, что Брейн получил маршрутный документ, тот сказал:

– А я и не удивлен, такие операции вы на раз-два прокручиваете. А что с противной стороной? Кто они – удалось выяснить?

– Похоже, «кузены».

– Похоже?

– Я документ видел.

– Надеюсь, ты у живого документ взял?

– Он будет в порядке, сэр. Просто Стив очень торопился и не рассчитал удар.

– Не хотелось бы проблем с «кузенами». Тут такое дело... Короче, тебе придется подъехать в бюро.

– Сэр, вообще-то я на «Панораме».

– Я помню. Но будет куратор по политико-межведомственным связям. Сейчас в Верховном Правительстве на это очень насаждают. Дескать, враги снаружи, а не внутри. За единство и все такое.

– А тут бодание с «кузенами»...

– Вот, сам же все понимаешь. Тебе зададут пару вопросов, полчаса поотвечаешь и домой – на «Панораму».

– Сэр, мне в один конец четыре с половиной часа.

Начальник взял небольшую паузу и, вздохнув, сдался:

– Ну раз вы сегодня немного герои, разрешаю воспользоваться глейдером.

– О, большое спасибо, сэр!

– Но с одним условием.

– С каким?

– Бар в салоне не трогать. Он не для ваших суконных рыл, его генералы пользуют.

– Обойдусь без бара, сэр.

– Вот и обойдись, чтобы не как в прошлый раз.

Клейн вздохнул. В прошлый раз действительно вышло не очень хорошо – они со Стивом тогда гоняли на Сейтон Серебристый, чтобы возглавить сборную ударную группу.

И что интересно, приняли вроде по пять капель, аккуратно из всех бутылок понемногу, а потом выяснилось, что несколько самых дорогих флаконов оказались початыми.

Пришлось возмещать из собственного кармана, хотя начатые бутылки начальник разрешил забрать себе. Ну и ему две отдали, самые малоотпитые.

В половину месячного жалования обошлась поездочка. Причем Стив платить свою часть расходов отказался. Сказал, что ему это пошло не понравилось, а пил он только из-за настоятельных просьб Клейна, ведь тот был старшим.

Сам Клейн таких просьб не помнил, но, если честно, он вообще мало что помнил из того полета, хотя летели всего-то три часа.

Теперь вот в бюро надо, на Тартиф. Но на глейдере, конечно, быстро – всего час, учитывая его лихие маневры и перескакивание «по головам» транспортов с низким приоритетом.

– Ну что он сказал? – спросил Стив, возвращаясь от автомата с двумя стаканами кофе. В этот момент прямо над их головами забубнил громкоговоритель, объявляя очередное прибытие или отправление.

– Все в порядке, говорит. Вызывает орден примерять и даже глейдер предложил использовать.

– Да ладно гнать! – не поверил Стив. – Врешь поди?

– Только наполовину, камрад. Только наполовину.

11

Новым транспортом для Брейна оказался средних размеров лайнер, ходивший недалеко, не более пяти суток в одну сторону, и имевший всего два яруса.

Каютки оказались с низкими потолками, неровными стенками и кривыми окнами-иллюминаторами. Но именно последняя опция понравилась Брейну больше всего, поскольку в богатых апартаментах элитных лайнеров, в которых он в последнее время катался, ни о каких иллюминаторах не могло быть и речи, их заменяли навороченные фальш-окна с дополняющей реальностью.

Едва бросив свой чемодан, он сел на жесткий диванчик возле иллюминатора и стал с интересом рассматривать ряды пришвартованных яхт, скутеров и глейдеров, к которым выходили персональные рукава, зашитые прозрачным пластиком. Рукава, подсвеченные изнутри, напоминали забавных червячков, которых Брейну случалось видеть в одной из командировок.

Те черви плавали по ночам в темной воде, и внутри них зажигались фонарики, делая видимыми все их внутренности в полной подробности.

Здесь было похоже, только вместо пищеварительных магистралей червячков внутри погрузочных рукавов двигались редкие пассажиры.

Вот бизнесмен в сопровождении трех охранников и носильщика с багажом. Идет с достоинством, головой не вертит, чувствует себя хозяином положения. А вот молодая женщина в темном костюме и на каблуках – сочетание делового стиля и красоты.

Брейну на мгновение показалось, что он узнает ее. Ну да, это же Сэм!

Здесь она уже не играла роль менеджера по размещению пассажиров и, подойдя к ожидавшему ее черному глейдеру, выслушала краткий доклад пилота, а потом о чем-то спросила двух вытянувшихся в струнку здоровяков в штатском.

Дверца глейдера поднялась, Сэм взошла на борт, и за ней последовали члены экипажа с парой сопровождающих.

Дверца закрылась, глейдер мигнул огоньками, ему ответил иллюминацией отсоединивший сектор шлюза. После чего судно заскользило прочь, и Брейн задумался: что повезла Сэм своему начальству?

Если это была пробная попытка его вербовки, то как-то невнятно.

И еще было интересно: какое же впечатление о себе он оставил?

Да, они не ладили во время беседы, но, возможно, он порадовал ее в физиологическом плане?

Брейн вздохнул и, поднявшись, прошелся по каюте, заглянул в крошечную ванную, где не нашел даже упоминания о воде, только водозаменитель, но хотя бы не самый дешевый, спасибо и на этом.

То, что ему так быстро сменили маршрут, Брейна не удивило. У спецов всегда было много накладок, и, вероятно, его хотели «припарковать» как можно незаметнее.

И это было не самое плохое, ведь убрать его могли и «дома» – на Лутоне-Двойном.

Судно качнулось, дрогнуло наполнение гравитационных соленоидов, на мгновение вызвав чувство тошноты.

– Узнаю посредственный сервис, – сказал Брейн и вернулся к иллюминатору, где было видно, как удалялся ярко освещенный город-остров «Панорама».

Чем дальше уходил от него пассажирский лайнер, тем интереснее выглядело пятно острова с кружащими вокруг него судами, суденышками и лайнерами солидных компаний.

В дверь постучали.

– Входите! – крикнул Брейн.

– О, да у вас не закрыто? – удивился сотрудник персонала, варвар лет сорока в фирменной оранжевой безрукавке поверх свитера с высоким воротом.

– Это потому, что защелка сломалась, – сказал Брейн. – Ее можно починить?

– Починить можно все, но до защелки никому нет дела. Подоприте ручку двери гладильной доской – вон она, между стеной и боковой стенкой шкафа.

– Гладильная доска? Я думал, лет пятьдесят все уже гладят высокочастотной панелью.

– Разумеется, сэр, но есть проблема с защелками с внутренней стороны, и для этого у нас имеется необходимое количество списанных гладильных досок.

– А починить все эти защелки не проще?

– Дело в том, что доски везли на утилизацию, а теперь и доски при деле, и можно экономить на их утилизации и на ремонте внутренних защелок. Изящный экономический этюд, вы не находите?

– Изящный, – согласился Брейн. – Это вы его придумали?

– Не я, племянник.

– Тоже неплохо.

– Я ведь чего пришел-то? – Сотрудник почесал голову. – Я должен вас зарегистрировать, а то у нас всякий сброд, бывает, в каюты вселяется. А потом поди попробуй их вышибить.

– Не получается?

– Механика приходится звать, тогда получается.

– С механиками всегда проще, – согласился Брейн. – А как же у вас получается, что бродяги на борт проникают?

– Так ведь поначалу вполне приличные люди, а потом – бац, предъявляют билет, купленный в кредит, мы обращаемся в банк, и оттуда сообщают, что нет у них такого клиента.

– Хорошо, зарегистрируйте мой билет, чтобы отпали все подозрения.

12

Капитан Клейн прибыл на площадку местного бюро ИСБ уже через полтора часа.

С непривычки воздух открытой атмосферы слегка горчил – у себя на «Панораме» он привык к искусственной, по несколько раз в день проходящей через фильтры, конверторы, дозаторы и многие другие аппараты, чтобы удалялось все то, что отправляло в атмосферу местного «аквариума» его население.

– Вы Клейн? – спросил появившийся на площадке сотрудник, присланный встретить гостя. Режим безопасности требовал, чтобы посетители с гостевыми пропусками не перемещались по комплексу бюро без сопровождающих.

– Да, он самый.

– Как добрались?

– Спасибо, очень хорошо, – ответил гость, кутаясь в пиджак от легкого ветерка, ведь на «Панораме» ветров не было.

– Идемте, подполковник ждет вас.

– А другие начальники? – спросил Клейн, следуя за встречающим.

– Этой информацией я не располагаю, – сказал сотрудник сухо, что прозвучало как рекомендация заткнуться и не задавать глупых вопросов.

Клейн вздохнул. Всякий раз, посещая бюро, он ощущал себя здесь и в городе, когда удавалось выйти, простоватым провинциалом. А у этого молодца, варвара с повадками суперколвера, снисходительность и превосходство просто выпирали.

– Здесь направо, – сказал сопровождавший, и Клейн кивнул. Он и сам знал, что направо.

А еще он не отошел от дороги, но утомило его не долгое сидение, а пребывание один на один с баром, которым он раньше втайне пользовался, но теперь-то он пообещал начальнику, что обойдется без бара.

С другой стороны, появившись он перед приезжими начальниками с запашком, это вызовет вопросы.

Спустя десять минут Клейн уже сидел в приемной своего руководителя, которому подчинялось подразделение на «Панораме».

Место секретаря занимал засидевшийся в лейтенантах канзас по имени Каспер. Прежде тут всем заправляли женщины, но потом была очередная перетряска, и решили, что женщины хотя и украшают, но при этом еще и отвлекают. Поэтому прислали Каспера.

Клейна эти перемены не устраивали, ведь если раньше он под видом легкого флирта мог разговорить секретаршу и что-то предварительно выяснить, Каспер был непробиваем и пресекал все попытки вербовки.

Зато он вставал, когда обращался к посетителям. Вот и теперь, получив на мониторе команду, он поднялся, одернул мундир и с важным видом произнес:

– Сэр, подполковник Саймон ожидает вас.

Клейн поднялся и, пройдя до двери, не удержался от того, чтобы сначала не постучать – робко так, просительно. Уже через мгновение он презирал себя за этот провинциальный жест.

– Да входите уже, капитан! – крикнул Саймон.

Клейн вошел и увидел, что помимо его начальника за совещательным столом сидели еще двое в штатском – сухощавый канзас и полноватый гоберли с усами.

– Ну вот, господа, это специально прибывший со станции наш специалист. Практически только что из боя, – отрекомендовал Клейна Саймон и сделал страшные глаза, когда Клейн посмотрел на него. Дескать, не подведи.

– Присаживайтесь, капитан, – сказал канзас, а гоберли даже не взглянул на Клейна, продолжая смотреть на свои лежавшие на столе руки.

Клейн сел у дальнего конца стола.

– Что там произошло, если быстренько, так сказать, на пальцах? – спросил канзас.

– Они снесли нашего «почтальона», мы снесли их «почтальона». Это если кратко.

– И кем оказался чужой «почтальон»?

– Судя по удостоверению, сотрудником Управления стратегического планирования.

– М-да, – произнес гоберли и пошевелил усами. Он продолжал смотреть на свои руки с таким видом, будто видел их впервые.

– Какую цель вы преследовали, нанося побои офицеру родственной нам службы, капитан Клейн?

Клейн бросил взгляд на своего начальника, а тот сделал вид, что изучает какой-то документ.

– Я не наносил побои офицеру родственной нам службы, сэр, это по моему приказу сделал мой подчиненный.

– Почему вы отдали такой приказ?

– Потому что офицер родственной нам службы преследовал меня и грозил этим сорвать нам операцию. К тому же, сэр, на тот момент он никак не продемонстрировал свою принадлежность к родственной нам службе.

– Может быть, вы не предоставили ему такой возможности?

– Разумеется, не предоставил, сэр, в приказе для меня такой задачи поставлено не было, – перевел стрелки Клейн, отомстив начальнику за самоустранение от этого допроса.

– Так-так, – сказал канзас.

– М-да, – высказался гоберли.

– Так что, подполковник Саймон, вы действительно отдаете подчиненным такие неполноценные приказы?

– Прошу прощения, сэр, но у нас в инструкции «неполноценные приказы» не значатся. Есть надлежащие, ненадлежащие, преступные, безосновательные...

– Хватит-хватит, подполковник, не нужно думать, что только вы знаете инструкции. Давайте зайдем с другой стороны – что за операцию вы проводили?

– Сэр, вы же понимаете, что я не могу вам сказать этого, – слегка растерялся подполковник, и Клейн ухмыльнулся. Фактически он был отомщен, и теперь битва с невесть откуда взявшимися проверяющими легла на плечи его начальника.

– Ну хорошо, определите, пожалуйста, ранг операции, чтобы мы могли сравнить ее ранг с отрицательным рангом случившегося инцидента, когда серьезно пострадал офицер родственной нам службы.

– Я не могу этого сделать, сэр, поскольку ранг операции, согласно инструкции, определяется начальником управления на основании изучения всех предоставленных отчетов, поскольку...

– Хватит, подполковник, хватит! – раздраженно замахал руками канзас. – С вами невозможно работать.

– М-да, – подтвердил гоберли и, переменяв позу, дотронулся до своих усов.

В этот момент на диспикер канзаса поступил вызов.

Он слушал с полминуты, потом сказал:

– Слушаюсь!

– Что там? – спросил гоберли, поднимаясь.

– Нам пора. Прощайте, подполковник Саймон.

– Всего хорошего, сэр, – ответил тот, вставая.

– Это то, что я думаю, Уинфри? – негромко спросил гоберли у застегивавшего портфель канзаса.

– Это именно то, Барни. И, пожалуйста, не забудь забрать со стола свои руки.

– Смешно.

Канзас с гоберли убрались из кабинета подполковника Саймона, к его большой радости, и после того как захлопнулась дверь, Клейн поднялся со стула и, сунув руки в карманы брюк, прошелся по кабинету.

– Да, сэр, такого я еще не видел.

– Заткнись, пожалуйста, и перестань маячить перед глазами.

– А ведь вы меня им почти сдали. И ради чего?

– А ты замечательно перебросил все дерьмо на меня.

– Откуда получил, туда и перебросил.

– Слушай, что ты себе позволяешь?

– Сэр, вы меня для этого сюда вызвали?

– Вызвал, потому что эти настаивали... – сказал Саймон, с неприязнью поглядев на стулья, на которых сидели незваные гости.

– Присядем, – сказал он и сел за свой стол. Клейн подошел ближе и сел неподалеку.

– Они имеют отношение к нашей операции? – спросил он.

– Никакого. Просто нам не повезло. Но в конце концов повезло, я полагаю, они сюда больше не вернуться, мы для них слишком неудобная добыча. Жесткие очень.

– Ладно, что с этим Брейном? Мы еще будем к нему приклеены?

– Надеюсь, нет.

– Что за игры с ним ведутся, сэр?

– Я не могу тебе ничего рассказать, поскольку никаких сведений о нем не получал. А если бы получал, тоже ничего бы не сказал, но я скажу, что я предполагаю, и это не будет никаким нарушением. Ты слышал когда нибудь об адмирале Айке?

– Никогда, сэр.

– Оно и к лучшему. Он был в пятерке первых руководителей Империи. И каким-то образом этот парень с ним связан.

– Но ведь этого Айка давно нет, правильно?

– Правильно.

– Так почему бы просто не повязать этого Брейна и не доставить куда нужно? Зачем эти танцы с маршрутными листами, толкотня со Стратегической разведкой?

– Скорее всего, «стратеги» имели дело с этим Брейном раньше нас. И сейчас тоже ввязались в эту игру. Но они, как и мы, стараются этого Брейна лишний раз не кантовать, значит, он чисто физически имеет какое-то значение. Так что пусть получает рекомендации по маршрутам, катается в свое удовольствие и думает, что все в порядке.

– Но он же не идиот? Он давно понял, что его будут пользоваться по полной. Я в этом уверен.

– Скорее всего, так оно и есть. Но, похоже, там, наверху, ни у нас, ни у «стратегов» никакого решения еще не приняли.

13

Двух полковников – канзаса и молчаливого гоберли, которые еще недавно пытались развести сотрудников местного бюро на обвинение в государственной измене, – срочно вызвали в отделение Комитета внутренней безопасности. Комитета, название которого в стенах ИСБ старались не упоминать, а если и упоминали, то лишь вполголоса.

Комитет не занимался нечистыми на руку сотрудниками, которые не упускали случая стащить казенные деньги, он также не занимался теми, кто был не прочь продать секретную информацию. Комитет занимался заговорами в среде высшего руководства службы, однако случалось и так, что в его стальные клещи попадали незначительные сотрудники, которым не повезло оказаться в неподходящее время в неподходящем месте. Поэтому один только вызов на беседу в Комитет уже провоцировал пересуды и в корне менял отношение к сотруднику, побывавшему там.

Редко кто, однажды побывавший в Комитете, затем рассказывал, что там с ним происходило, однако на всякий случай его старались избегать, ограничиваясь только служебными контактами.

И вот вызов в Комитет обрушился на двух старших офицеров, прибывших из центрального региона Метрополии с инспекционной проверкой.

Они готовились проверять, выявлять, обличать и карать, однако по истечении всего двух суток попали под колпак Комитета.

– Как думаешь, Барни, почему мы? – одними губами прошептал канзас.

Гоберли посмотрел на него, потом на водителя и сидевшего с ними сопровождающего, фактически исполнявшего роль конвоя. Потом вздохнул и, не ответив, стал смотреть в окно, не вполне осознавая, что он там видит. А видеть он мог высокие здания правительственных департаментов, которыми были плотно застроены центральные кварталы города. Министерства, управления, финансовые центры шеголяли друг перед другом отделкой фасадов, пластиковой лепниной под мрамор, высоким крыльцом и кованой оградой, однако все они отступили на задний план, когда машина подъехала к территории Комитета, где административные и следственные корпуса располагались в глубине огромного парка, расположенного на самой дорогой земле города.

Наверняка внутри парка было очень красиво: дорожки вымощены пиленным камнем, кусты изысканно подстрижены. Разбитые по всему парку клумбы радовали глаз пестротой благоухающих цветов. Однако оба задержанных офицера ничего этого не воспринимали, оцепенев от предчувствия скорой развязки.

Возле невзрачного серого корпуса машина остановилась, прибывших офицеров разделили и сразу отвели на допрос.

Канзас был очень напуган и не чувствовал под собой ног, однако он удивился тому, что его, полковника ИСБ, пришел допрашивать лейтенант-суперколвер.

– Вы будете меня допрашивать? – не узнавая собственного голоса, уточнил полковник.

– У нас не используется слово «допрос», мы предпочитаем называть это беседой.

– Что ж, я готов. И... я всегда был лоялен к власти и имперскому укладу. Я патриот уже давно и последние годы все больше.

Лейтенанта не удивил подобный лепет, в этих стенах случались монологи и более интересные, к тому же такие длинные и эмоциональные, что приходилось прибегать к помощи тренированной охраны и даже специальных препаратов, способных остановить бесконечный фонтан слов.

Выждав, когда канзас переведет дух, лейтенант сказал:

– Ответьте мне, полковник, на простой вопрос: кто и при каких обстоятельствах приказал вам вмешаться в деятельность группы подполковника Саймона?

– Э-э... минуточку, дайте минуточку, – попросил канзас. – Ага, вспомнил. Я уже могу говорить?

– Говорите.

– Согласно ежегодному плану проверки мы выдвинулись на инспектирование очередного сектора наших бюро.

– Что за тема инспектирования была в этот раз?

– Э-э... Сначала темы не было, и мы решили пройти по прошлой.

– Что за тема была в прошлый раз?

– Сингулярность в локальных точках аудиомагнитных возбужде... Хотя нет, простите, это от волнения что-то другое выпрыгивает. Так, вспомнил – финансовая дисциплина, да! Финансовая дисциплина в операциях прикрытия. Это очень важная тема, поскольку там сотрудникам приходится работать с наличными, а там, где наличные...

– Когда была получена новая тема инспекции?

– Новая тема была получена сразу после состоявшегося заседания Верховного Правительства. «В единстве и единении наша несокрушимая сила» – это был главный тезис. И мы стали работать по этой теме.

Полковник начал исходить по том, и следователь, достав из выдвижного ящика пачку салфеток, бросил их на стол.

– Благодарю. Тут у вас душно, если честно... – пробормотал полковник, заискивающе улыбаясь, после чего стал торопливо промакивать лицо. Справа от него, в полутора метрах, стояла корзина с мусорным конвертером, и полковник бросил использованную салфетку, но та, отскочив от края корзины, упала на пол.

– Тысяча извинений! Тысяча извинений! – воскликнул он и, вскочив, поймал злосчастную салфетку и отправил по назначению. При этом он отметил, что корзина с конвертером слишком велика для использованных салфеток. Да и конвертер загудел так натужно, будто готов был уничтожить что-то массивное. Так что же бросают в такой мощный аппарат?

«Окровавленное тряпье!» – промелькнула у полковника страшная догадка, и он судорожно сглотнул.

– Я повторю вопрос: кто и при каких обстоятельствах приказал вам вмешаться в деятельность именно группы подполковника Саймона?

– Именно? Именно – никто. Просто так сложилось, а тут еще это столкновение с родственной нам службой. Я имею в виду Стратегическую разведку.

– Что вы знаете об операции, которую проводило подразделение подполковника Саймона?

– Только то, что там пострадал сотрудник Стратегической разведки. Это как раз то, что соответствовало теме нашей инспекции, ну просто идеально.

– Вы интересовались подробностями операции, в которой пострадал офицер Стратегической разведки?

– Я... – полковник вспомнил, как терзал Саймона и этого его пьяницу-подчиненного Клейна, требуя, чтобы они рассказали ему подробности. Но он же не для этого! Только чтобы выяснить совершенно иные подробности.

– Я жду ответа, – спокойным голосом произнес лейтенант, а затем вдруг привстал и отпустил полковнику такую затрещину, что тот слетел со стула и ударился о стену.

14

Несмотря на то что массивные двери допросных выглядели надежными и непроницаемыми, на них с помощью переносного пульта активизировалось окно, через которое можно было видеть и слышать все, что происходило внутри.

Момент, когда следователь сбил полковника со стула, не остался без внимания группы высокопоставленных лиц, которые неспешно двигались вдоль коридора и проверяли, что происходит в допросных.

– Что у нас здесь? – спросил невысокий господин, немногочисленная свита которого ступала за ним на носочках и состояла только из генералов.

– Полковник Чеддос, Второе управление, пропагандистско-воспитательное отделение, – вытянувшись, доложил директор местного отделения Комитета.

– «Управление лояльности»? – уточнил высокий гость.

– Так точно, сэр, – подтвердил директор неофициальное название управления.

– Этот не тот ли, который «двое полковников»?

– Он самый, сэр.

– Похоже, сознаваться он не намерен.

– Разрешите перевести беседу на аппаратные методы?

– Разрешаю.

Под аппаратными методами подразумевались технологии, позволявшие проникать за границы сопротивления допрашиваемых, а также преодолевать гипнологические барьеры, которыми часто прикрывались секретные знания или особые инструкции.

Для применения подобных методик применялся целый перечень воздействий – от прямого вживления электродов до более щадящих средств вроде лазерных резонансных сканеров, позволявших быстро доводить пациента до истерического состояния.

В случае применения любых из этих технологий личность пациента оказывалась разрушенной, а щадящими некоторые из них назывались только потому, что позволяли проводить дознание дольше.

– Так, что у нас со временем? – важный гость взглянул на наручные часы. – Генрих, у нас еще есть время?

Шедший позади всех помощник важного лица вышел вперед и, приблизившись к своему начальнику, вполголоса произнес:

– Нам уже пора, сэр.

– Так я и думал. Ну что же, господа, благодарю за экскурсию. У вас тут очень интересно, но, к сожалению, вынужден откланяться. Дела!

Спустя десять минут бронированный представительский автомобиль уже мчался по городу к месту встречи, которое было выбрано за пределами Комитета, чтобы не компрометировать лица, с которыми важный господин собирался встречаться.

15

Местом встречи была выбрана одна из резиденций короля военно-промышленного комплекса – Руби Дрозвальда. С безопасностью у него было так же хорошо, как и в имперских организациях соответствующего уровня, поскольку непонятно было, где кончался Руби и начинались спецслужбы.

То же относилось к космическому флоту, армии и атмосферной авиации.

Заводы Руби Дрозвальда, его компаньонов и других бизнесменов, входивших в узкий клуб подрядчиков, производили все оружие в империи и, поговаривали, перебрасывали кое-что всякого рода сепаратистам, левым активистам и обыкновенным пиратам.

Многим казалось, что у Руби Дрозвальда есть все и даже больше, и они были правы, однако самому Руби всегда хотелось еще чуть-чуть. Так его воспитала мама.

Теперь Руби Дрозвальд сидел за столом с академиком из секретной академии, имя которого ему рекомендовали не спрашивать, а если услышит, не запоминать.

Был еще один канзас – медицинское светило.

Руби немного касался темы военных биороботов и биотехов, поэтому знал, что этот медик работал в данном направлении. Его тема – усовершенствование живых организмов посредством усиления их с помощью механических узлов и приспособлений. Этот способ экономически более эффективен, чем выращивание синтетических биороботов с высокими физическими возможностями или способностями к сложным вычислительным процессам.

И наконец, генерал Йоффе, с которым Руби был, что называется, на короткой ноге. Генерал курировал тему биороботов от ИСБ и являлся завсегдаем компаний предпринимателей, кормившихся из военного бюджета империи.

Был тут еще один гость – невысокий, похожий на варвара и гоберли одновременно представитель Верховного Правительства. И скорее не просто министр, а один из тех, кто оставался, когда правительство расформировывали.

– Итак, господа, я решил собрать вас здесь, под крышей гостеприимного мистера Дрозвальда, чтобы проинформировать вас о том, что сейчас является навигационной звездой для Имперской Службы Безопасности на ближайшие, не побоюсь этого слова, годы.

Сказав это, представитель правительства отпил из бокала натурального вина и, как показалось Руби, был слегка удивлен его резким вкусом.

– Нам приходится много воевать – это не секрет. Наша империя обширна, обширны и замыслы ее врагов. Поэтому нам необходимо оружие и нужны солдаты. Но все мы знаем, что хороший солдат стоит дорого. Я сейчас не говорю даже об обычных, хорошо обученных профессионалах, я говорю о солдатах, которых мы получаем, проводя усовершенствование субъектов, осужденных за тяжкие преступления. Это большая и богатая база, однако мы в итоге все равно получаем солдат, чуть более послушных и чуть менее профессиональных, чем стандарт, получаемый из добровольцев.

Представитель правительства оглядел притихших собеседников и продолжил:

– Что бы мы тут ни изобретали, прорыва нам, увы, не создать, а между тем совсем рядом существуют альтернативные варианты, от перспектив которых захватывает дух, господа. Итак, какие перспективы вы видите сами? Чего бы вам хотелось? Высказывайтесь.

Сказав это, представитель правительства откинулся на спинку кресла и позволил себе еще один глоток вина, но в этот раз он дегустировал его более внимательно, и это не укрылось от глаз хозяина дома.

– Я позволю себе помечтать вот о чем, – подал голос секретный академик. – Наши изделия весьма хороши, если сравнивать с тем, что мы имели десять лет назад, изделия весьма продвинуты по части функционала. Они стали практически универсальны, однако они недолго живут – именно в функциональном плане.

– Уточните, пожалуйста, что значит «недолго в функциональном плане»? – попросил представитель правительства.

– Дело в том, что мы всякий раз терпим неудачи именно в момент соединения живого и неживого. Для уверенного прохождения управляющих сигналов требуется убедить живой организм, что железо и пластик, находящиеся в нем, – его родные ткани. Но для этого обмана приходится либо накачивать солдата специализированной химией, либо создавать нейроэлектронные блокады. К сожалению, и тот и другой метод приводят к разрушению организма, вынуждая нас снимать с носителей все эти усовершенствования и отправлять бедняг, грубо говоря, на пенсию, но это кому как повезет.

– Какой срок службы сейчас у ваших изделий?

– Синтетики могут выдерживать сорок часов напряженных боевых действий, биомехи – пятнадцать. Но первые в десять раз дороже вторых. Вот такая арифметика. И если бы мы получили возможность увеличивать время совместной работы живой и искусственной части солдат, это серьезно удешевило бы производство и дальнейшую эксплуатацию.

– Ваши пожелания мне понятны. Кто еще хочет высказаться?

– Пожалуй, теперь стоит мне, – сказал военный медик, до этого внимательно слушавший, что говорил секретный академик.

– Пожалуйста, доктор Севаш, – кивнул представитель правительства.

– Мы также очень давно работаем над экономической эффективностью программы синтетических солдат и биомехов. Поскольку использование обычных контрактников в качестве базовых моделей для усовершенствований экономически нецелесообразно, мы с самого начала обратились к недорогому ресурсу – отбывающим наказания преступникам.

– Хотелось бы сразу получить уточнение... – вмешался представитель правительства. – Какие категории преступников вы используете?

– Годятся любые, и поначалу нам давали разрешение только на тех, кто получил пожизненное. Это самая трудная категория. Их поведенческие стандарты настолько прочно вписаны в их сознание, что для взлома или блокирования таких стандартов приходится значительно сокращать умственные способности субъектов. И далее все, как и у предыдущего докладчика, – перенастройка, перепрошивка, восстановительный период. Все это очень дорого, а в результате в стрессовых ситуациях эти изделия могут повести себя неадекватно либо отключиться совсем.

– «Совсем» – это...

– По-разному. Но в любом случае это уже никуда не годный товар.

– А другие категории преступников?

– С другими проще, иногда достаточно лазерного сканирования, чтобы перепрошить их сознание. Правда, тут тоже есть свои подводные камни. Например, мошенники. Если у убийцы или грабителя соскочила прошивка, мы это замечаем сразу и можем принять какие-то меры. С мошенниками иначе. Они молчат и имитируют обычную деятельность, выбирая момент, чтобы использовать создавшуюся ситуацию в своих целях.

– Понятно. И о чем же вы мечтаете?

– Мы, то есть наше направление, мечтаем об универсальных и эффективных методах прошивки, чтобы она не соскакивала. Вот тогда мы совершили бы прорыв, и все преступники у нас по решению суда тотчас зачислялись бы в армию или отправлялись на какие-то особые работы, а то и вовсе возвращались обществу, но уже значительно измененными.

– Понятно. А вы, господин Дрозвальд, какие имеете пожелания?

– Я подрядчик, мои интересы известны, – развел руками хозяин дома. Его интересы расходились с мечтаниями науки и военной медицины. Его устраивало, когда ему заказывали дорогие и быстро выходящие из строя изделия, ведь тогда заказы возобновлялись.

– Ну генерала Йоффе я и вовсе спрашивать не буду, у него другая работа. Поэтому хочу вам нарисовать такую картинку. Представьте солдата, который без соответствующего оснащения может находиться в вакууме или, скажем, умеет заживлять за считанные минуты рану от пули. А если пойти дальше, то усилием воли создает на поверхности кожи защитное поле, препятствующее поражению пулями и осколками. Как вам такое?

– Это какие-то сказки, – скривившись, сказал секретный академик.

– Мифотворчество, – добавил военный медик.

– И тем не менее, господа, у нас имеется задокументированный факт, когда один офицер преодолел двадцать метров пешком в вакууме, чтобы предотвратить катастрофу в масштабах миллионного города.

– И что с ним потом стало? – осведомился медик.

– Согласно подробнейшим докладам, он сильно кашлял и временами даже терял от такого кашля сознание. Однако теперь он в полном порядке.

Воцарилась тишина. Гости поглядывали друг на друга и осмысливали услышанное.

– Я слышал кое-что о подобных фокусах от военных, – вспомнил секретный академик. – Во время боев с каменными ящерами им доводилось видеть, как те, спасаясь из своих подбитых примитивных судов, совершали прыжки до борта их спасательного корабля и там благополучно исчезали в люках. Но это, напомню, были настоящие ящеры – с клыками и хвостами, и мы об их физиологии мало что знаем.

– Но мне помнится, вам доставляли несколько тел этих ящеров, – напомнил генерал Йоффе.

– Доставляли, но что толку? В условиях плотной атмосферы с ними происходили серьезные изменения, и мы не смогли получить почти никакой полезной информации. Они изменялись даже в замороженном виде.

– Но раз теперь имеется живой... э-э... кто он, этот феномен? Какой расы? – спросил военный медик.

– Он варвар, но варвар не простой, а вывезенный в Метрополию из-за сверхдалних рубежей.

– Но кто его вывез и с какой целью?

– А вот тут мы касаемся важного аспекта нашей истории. Адмирал Айк.

– Адмирал Айк? – переспросил секретный академик, который когда-то давно был представлен адмиралу как подающий надежды молодой ученый. Тогда это помогло будущему академику.

– Вы хотите сказать, что адмирал вывез этого феноменального варвара? – решился на вопрос Руби Дрозвальд.

– Разумеется, не он сам, а его структуры. Так вот, в высоких кругах руководства есть мнение, что адмирал не просто вывез варвара, а создал его – с помощью группы своих разработчиков. И где-то находятся архивы этой группы, а возможно, и сама группа. Хотя в последнем я сильно сомневаюсь.

– А можно еще одну версию? – поднял руку генерал Йоффе.

– Не можно, а нужно.

– А что, если группа адмирала Айка не создавала этих удивительных существ здесь, а просто находила их там, в этих бесконечно далеких варварских районах космоса?

– Ну что же, вполне себе правдоподобно. Однако там находилась их ферма или здесь, сейчас не так важно. Нужно найти архив адмирала, а если повезет, то и остатки группы.

Они поговорили еще немного, после чего представитель верховного правительства подвел итог:

– Через какое-то время, господа, каждому из вас будет предоставлена краткая тезисная программа того, что мы хотели бы с вашей помощью сделать. Что-то в этих тезисах будет общее для всех, какие-то тезисы будут ориентированы персонально. А теперь все могут быть свободны.

Гости поднялись и направились из зала к выходу, где за дверями с полной звуковой, газовой и электрической непроницаемостью их ожидали шеренги собственных телохранителей.

Персоны такого уровня просто не имели права пренебрегать личной безопасностью.

А руководитель охраны генерала Йоффе негромко сообщил ему: генерала попросили пока не уезжать и подождать в машине.

– Он? – одними губами уточнил генерал.

Телохранитель кивнул.

– Значит, подождем.

Тем временем сам представитель правительства уходить не торопился и, когда двери в зал закрылись, остался наедине с Руби Дрозвальдом.

– Я догадывался, что вы оставите меня на закуску, – не слишком радостно поделился наблюдениями Руби.

– Есть кое-какие аспекты, которые мы должны обсудить только вдвоем.

– Полагаю, экономические?

– Правильно полагаете.

– Сколько?

– Не спешите. Никто не требует с вас взятку, господин Дрозвальд. Но озвученный сегодня проект будет нуждаться в дополнительном негласном финансировании, иначе нам не удержать надлежащий уровень конфиденциальности. Понимаете меня?

– Чего же не понять? Дело обычное, – вздохнул Руби.

– Нет, вы не понимаете. За прошлый год вы заработали на поставках восемьдесят триллионов сакверов.

– Это открытая статистика, в чем подвох?

– Подвох в том, что есть еще закрытая, и там число другое – сто двадцать четыре триллиона. И не все эти деньги получены по легальным каналам. Это раз. И не все эти деньги получены, скажем так, от лояльных подданных империи. Это два. Весомое два.

– И что, будете казнить?

– Да зачем же казнить? Вас не переделать, а казнишь одного, другой будет не лучше. А так, по крайней мере, про вас все известно.

Руби позволил себе усмешку.

– Значит, не все? – принял игру представитель правительства.

– Сколько?

– Думаю, за весь период придется вложить около полутора сотен триллионов.

– Сколько? – отпрянул Руби, закрываясь рукой, словно защищаясь.

– Не нужно этих сцен, Дрозвальд, это не с вас одного, это с вашего клуба, а для клуба это сущие копейки. И помните, что хотя казнить мы вас не будем, но кое-что зажать щипцами нам вполне по силам.

– Не нагоняйте ужаса, я все понял с первого раза. Деньги будут.

– Благодарю за понимание. Очень милый домик у вас, прощайте и всего хорошего.

Когда посланник из кругов, близких к центральному правительству, ушел, Руби какое-то время стоял с закрытыми глазами, чувствуя, как напряжение медленно его покидает. Но слишком медленно, поэтому он шагнул к бару, распахнул дверцу и, схватив первую попавшуюся бутылку крепкого, опрокинул ее и отпил половину.

Потом бессильно опустился в кресло, поставил бутылку на стол и, глубоко вздохнув, сказал:

– Ну вот, теперь другое дело.

16

Тем временем, миновав несколько уровней как скрытой, так и парадной, выставленной напоказ охраны дома, высокий гость в сопровождении двух телохранителей вышел на стоянку и сел в свой представительский автомобиль.

Когда телохранитель уже захлопнул за ним дверцу, к машине подошел Йоффе.

– А, генерал, вы еще здесь? – сыграл удивление высокий гость, как будто не сам приказал Йоффе задержаться. – Ну что же, садитесь, прокатимся немного вместе, а ваша машина пусть поедет следом.

Телохранитель гостя снова распахнул дверцу, и генерал сел с представителем рядом.

– Куда ехать, сэр, в Комитет? – спросил водитель, не оборачиваясь.

Высокий гость представил, о чем в этот момент подумал генерал, однако не удержался от того, чтобы потянуть паузу.

– Нет, Пауль, покатай нас по объездным шоссе, нам нужно побеседовать.

– Слушаюсь, сэр, – ответил водитель, и машина тронулась.

Какое-то время высокий гость молчал, генерал молчал тоже, не решаясь нарушить полную значимости тишину.

– Почему так коряво сработали с этим Брейном? – спросил вдруг высокий гость.

– Ну вообще-то наши задание выполнили.

– Выполнили, но какой ценой?

– Из того, что мне известно, сэр: приказ поступил слишком поздно, и он был... Как бы это сказать, чтобы...

– Да полно вам, генерал, никого за тупой приказ не уволят, говорите как есть.

– Его можно получить из архива, сэр, в нем нечетко поставлена задача. Сроки тоже какие-то левые.

– Ладно, проехали. А кстати, что это за здание? Странная архитектура.

– Музей аквапластики.

– Чего?

– Аквапластика. Новое творческое направление.

– Ну ничего смотрится, веселенько. Будто морская волна взметнулась к высотам и замерла.

– Псевдохрусталь. Двадцать пять тысяч тонн.

– Грандиозно. И прекрасная осведомленность.

– Это моя работа, сэр. Все эти модные архитекторы пьют со мной «Аллерт».

– «Аллерт»? Я думал, они ничего крепче «Баккара» не употребляют.

– Шутите?

– Нет, правда. Я слышал, что они употребляют изысканную химию и биэлектронные таблетки, но насчет алкоголя вроде слабаки. Или врут источники?

– Скажем так – источники недостаточно информированы.

– Почему я посадил вас в свою машину, поняли?

– Пока я понял лишь то, что в Комитет меня не повезут.

– На самом деле я еще не решил. И поверьте, формальных причин отвезти вас туда хватает. Думаю, вы и сами это понимаете.

Генерал вздохнул. Проступков, за которые его можно везти как минимум в штаб службы внутренней безопасности, было воз и маленькая тележка. Поводов для доставки в Комитет

значительно меньше, но все же они были, ведь Йоффе злоупотреблял специфическими препаратами, а под их парами становился неуправляем.

Ну а что он мог поделать, если его служба состояла в круглосуточном пребывании на вечеринках триллионеров с их запросами, вкусами и раскованностью?

Первые три года он думал, что пропадет от такой жизни. Но потом втянулся, почувствовал вкус и научился сотнями писать ложные отчеты.

– Мне не нужна ваша кровь, мне вы интересны только как источник, поэтому ваше дальнейшее пребывание на этом посту будет зависеть от того, насколько хорошо вы будете обороняться от наших «кузенов».

– «Кузенов»?

– «Кузенов», Йоффе, «кузенов». Они сейчас наш главный враг, и вы должны оградить господ, которых сегодня видели на встрече, от посягательств этого изошренного врага. И сами держите оборону, когда «кузены» придут к вам, рядясь в одежды лучших друзей. Вы понимаете меня?

– Увы, сэр.

– Почему «увы»?

– Потому что вы сейчас объявили мне жизнь на казарменном положении.

– Заметьте, генерал, не я это сказал. Всем нам при решении этой задачи придется нелегко, но цель так значительна, что стоит потерпеть.

17

В то время когда генерал Йоффе выслушивал ценные указания высокого гостя, на другом конце города, в подвале бывшего складского комплекса, тайно переоборудованного под обрабатывающий центр связи, в отдельной, особо охраняемой комнате происходило небольшое собрание. На нем несколько штатских отчитывались о проделанной работе и выслушивали оценку начальника.

После краткого доклада одного из сотрудников Службы стратегической разведки начальник, не повышая голоса, разнес его доклад по камешкам, демонстрируя удивительную осведомленность о каждой, с виду незаметной детали, которую кураторы операции пропускали, а он, лидер-генерал Винсент Нант, замечал. Кроме того, он рассказывал, как бы все прошло, если бы его подчиненные эти детали замечали.

– Как вы могли сорвать операцию, Моттли? У вас было все – место и время! Почему не смогли удержать преимущество?

– Нас снесли, я предоставил видео.

– Но это же было очевидно, майор, они контролировали своего «почтальона», и просто заменить его на своего, не имея для этого действия какой-то подстраховки, было мало. На что вы надеялись?

– Мы не думали, что они успеют перестроиться, сэр. Мы полагали, что у них для этого слишком мало времени.

– Самое смешное, что вы все посчитали правильно, однако не учли фактора везения. Им просто повезло, и вы проиграли. За правильный расчет вам – похвала, но за проигрыш – выговор.

– Одну минуту... – тут же произнес начальник, и подчиненные незаметно перевели дух. Похоже, его снова запрашивали с полудюжины каналов, и он был вынужден взять паузу, одновременно разговаривая и отстукивая вопросы и ответы в нескольких параллельных диалогах.

То, что его клавиатура работала на нескольких каналах одновременно, можно было понять по изменению цвета ее клавиш. Впрочем, количество цветов быстро уменьшалось, и наконец Нант вернулся к совещанию.

– Проведете расследование и штабные игры на эту же тему. Нужно заготовить двадцать вариантов действий в подобной ситуации. Все понятно?

– Понятно, сэр.

– Теперь вы, Кодлиекс. Тридцать четыре бюро из восьми регионов прислали нам жалобы на работу вашей программы. Почему это происходит? Почему мы несем финансовые потери, при том что уже поставлены в неравные условия с другими службами империи? Бюджет ИСБ в двенадцать раз больше нашего.

– Сэр, это не наша вина. Мы получили комплектующие с заниженными показателями, в результате «хвост» оказался недостаточно массивным и квантовая часть начала доминировать.

Начальник вздохнул. Ему была знакома эта проблема, поскольку в свое время, будучи молодым ученым, он потратил на решение проблем, связанных с квантовыми компьютерами, массу времени и достиг приличных результатов.

Дело было в том, что, в отличие от позитронных вычислительных блоков, которые использовали повсеместно и в свое время считали решением всех проблем для скоростных вычислений, квантовые ядра требовали на порядки меньше энергии и выдавали скорости на несколько порядков более высокие. Однако со временем выяснилось, что результаты вычислений на квантовых ядрах имеют высокую степень неопределенности.

То есть сегодня получен один результат и внесен в соответствующий документ, а завтра цифры изменились. Незначительно – изменения происходили в пределах одного процента, однако подобные погрешности годились только для прикидочных вычислений.

Началась гонка за уменьшение погрешностей, и в ней принимал участие тогда еще молодой ученый-варвар Винсент Нант.

В конце концов проблему понемногу удалось решить, когда выяснилось, что предельные скорости вычислений квантовых ядер следует «притормозить» добавлением в схему обычных электрических процессоров. Даже когда им отдавалось решение мизерных объемов работы – не более сотой процента, они заметно «приземляли» квантовые ядра, не давая им выходить за требуемые границы определенности результата.

Однако излишнее «приземление» снижало скорость работы, поэтому рассчитали необходимую долю, которую следовало отдавать на обработку медленным процессорам, чтобы и результат получался без «танцующих цифр», и скорость обработки оставалась приемлемой.

Успехи Нанта в решении этой проблемы были в свое время замечены, и его пригласили в лабораторию прогнозной техники, которая начинала широко использоваться в военном деле и общей статистике.

Там также использовались квантовые принципы, и неопределенность результатов была скорее плюсом, поскольку предсказанные события ближайшего будущего должны были оставаться неустойчивыми, чтобы не потерять необратимость.

Поработав в лаборатории с полгода, Винсент Нант узнал, что уже включен в штат Управления стратегического планирования. Его взяли в штаб Стратегической разведки, которая тогда была лишь ответвлением Министерства обороны.

Задачи, которые решала разведка, показались Нанту интересными, и, будучи наделенным множеством талантов, он постепенно стал заниматься административной работой, а затем, не оставляя научных разработок, добрался и до оперативного планирования.

Вскоре его интересы распространились на область экономического обеспечения службы и правовых вопросов службы внутри Министерства обороны. Его рекомендации позволяли начальству экономить средства и расходовать их более рационально.

Раскопав в законах нужные параграфы, Нант предложил оформить исследовательское подразделение службы как отдельное государственное предприятие, и это позволило получать на разработки, которых уже имелось изрядное количество, заметное дополнительное финансирование напрямую из госбюджета, минуя Министерство обороны.

Он быстро продвигался по карьерной лестнице, перепрыгивая через несколько ступеней разом, и, если его сверхвозможностей не замечали намеренно, стараясь придержать «шустрого ботаника», он находил способы обойти препятствие.

Нанту не нужны были деньги, его не интересовала власть, но ему было некомфортно, когда он видел неотлаженные системы – будь то коллектив подразделения или компьютерная программа. Это заставляло его карабкаться все выше, чтобы вносить оптимизацию и отлаживать систему на более высоком уровне.

Вместе с усовершенствованиями и отладкой приходили новые результаты, на основании которых Служба стратегической разведки поднималась все выше. И хотя ее бюджет все еще был в десять раз меньше бюджета гиганта – ИСБ, за какие-то двадцать лет Стратегическая разведка сделала такой рывок, что ИСБ и другие специальные службы империи начали считать «стратегов» серьезными конкурентами в борьбе за бюджет и высокие награды.

За ними стали следить, на них начали собирать материал, в их архивы начали ломиться все, кто хотел разгадать секрет столь мощного старта еще недавно незаметной службы.

18

Продолжая вести совещание, Нант, несмотря на то, что занимал должность одного из заместителей директора службы, был вынужден прерываться, когда его накрывала волна запросов с требованием личного вмешательства.

По мнению многих, он занимался не своей работой, снисходя до решения проблем низкого уровня, но пока он со всем справлялся и такой напряженный график работы ему нравился.

– Итак, о наших планах. Полковник Стромбер, вы с Леманом теперь обеспечиваете сопровождение Томаса Брейна. А вы, Моттли, передайте им все материалы, вы пока продолжайте заниматься своей текучкой. Закрывайте позиции по сверхдальному участку «пятнадцать – тридцать четыре». По моим сведениям, ваших активистов там вот-вот выбьют из города, и тогда снова придется закрепляться в другом месте, а это очень дорого.

– Слушаюсь, сэр, – кивнул генерал Моттли.

– Прошу прощения... – подал голос Стромбер.

– Да, я знаю, что Лемана сейчас нет на месте, он был в командировке, но через тридцать две минуты его глейдер приземлится на резервной площадке за городом. Так, и...

Нант прислушался к встроенному передатчику.

– И у нас опять гости, судя по всему, снова ИСБ.

Совещание в тайных подвалах было закончено, и собравшиеся стали расходиться.

Тем временем на поверхности бдительная охрана раз за разом обходила свои участки, чтобы на территорию складов не проникли злоумышленники.

Это был первый периметр охраны, и его занимала настоящая охранная фирма, сотрудники которой были уверены, что охраняют склады, – им ежедневно приходилось пропускать через КПП грузовики, поэтому сомнений у них не возникало.

Охрана была бдительна, и когда стемнело, оператор распознал автомобиль, который находился в паре сотен метров. Эту машину на площади неподалеку засекали дважды, и каждый раз внутри находилось двое.

Они дежурили два-три часа, а затем уезжали.

– Райс, ты их видишь? – спросил один оператор другого, управлявшего камерами на правом фланге периметра охраны.

– Да, вижу. И если ты спрашиваешь, узнаю ли я их, – да, я их узнаю.

– Нужно сообщить старшему смены.

– Сообщай, – пожал плечами второй оператор, делая глоток остывшего кофейного десерта.

– По инструкции должен сообщать ты.
– Не хочу с ним разговаривать, он опять пошлет, как в прошлый раз.
– В прошлый раз ты его вывел из себя, вот он тебя и послал.
– Он должен мне двадцать сакверов. Пусть отдает, лишь после этого я буду разговаривать с ним нормально.

– Райс, если эти уроды что-то задумали, а они точно задумали, и если задуманное случится, нас с тобой вышибут с работы, и все за твои двадцать сакверов.

– Ну и пусть вышибут, – пробурчал Райс.

– Хорошо, но я не собираюсь из-за тебя терять работу, поэтому доложу сам.

– А что скажешь, когда он спросит: почему не Райс докладывает? Стуканешь, да? Стукач ты, Зандер. Стукач.

Первый оператор вздохнул и не стал отвечать. Он снова вывел изображение подозрительного автомобиля на максимальное увеличение, но угол был не тот, с сектора Райса можно было рассмотреть все лучше, однако тот «впал в обиденку».

– А я тебе скажу, почему он тебе двадцатку не отдает, – начал новый заход Зандер.

– Я и сам знаю, почему.

– Ну и почему?

– Просто зажал, – вздохнул напарник.

– Не просто зажал, а зажал в качестве компенсации, за то, что ты две недели назад его крепко оскорбил.

– Это когда же? – поинтересовался Райс, отодвигаясь от монитора.

– Девку ту мордастую помнишь?

– В желтой блузке которая?

– Нет, в платье таком... серебрястом, что ли.

– Плохо помню. Я тогда уже накатил.

– Но ты же помнишь, как он возле нее вытанцовывал?

– Вроде, – пожал плечами Райс.

– А потом она с тобой минут пятнадцать болтала, ты ей наши старые анекдоты рассказывал! Помнишь?

– И что?

– А то, что ты ему все обломал и она с ним не пошла.

– Но он сам первый ушел.

– Обиделся, вот и ушел.

– А чего обижаться-то, она же не со мной ушла?

– Он ушел и не видел продолжения, когда ты накатил еще и потом блевал в сортире. Он решил, что ты ее закадрил и ушел с ней. Представляешь? Ты, гоберли, увел бабу у суперколвера!..

Несмотря на то, что половину этих подробностей Зандер выдумал, история подействовала, и лицо напарника стало проясняться.

– Да, точно. Так и было. Хорошо, что я ему сотню не одолжил, за такую обиду он мог и сотню зажать!..

– А я тебе что говорю?

– Все, сейчас доложу ему! Доложу и, может, закину пару шпилечек, посмотрим, как он задергается!

– Только ты сначала доложи, а шпилечки потом. И про деньги пока не вспоминай.

– Ладно-ладно, не учи ученого.

Райс включил вызов, и старший смены отозвался.

– Сэр, это оператор, у нас тут появился подозрительный автомобиль... Да, не первый раз... Да, ориентировку перешлю... Нет, не все, у меня еще есть сообщение, по поводу бара «Чипец», но это после. Это в другой раз, извините.

Райс отключил передачу и, вскочив со стула, загалопировал по тесному помещению операторской.

– Ты чего такой радостный?

– Он обгадился! У него голос задрожал и затряслись губы!

– Ты не мог это видеть.

– Считаю, что я это видел, а ты... Это... забыл... А, вспомнил! Ты пересылаешь ему материал! Время выпустать наших сонных дуболомов.

19

Под сонными дуболомами операторы подразумевали группу быстрого реагирования, бойцы которой обычно спали, поскольку реагировать особенно было не на что, хотя старшие смены регулярно пытались натравить их на грохочущий на ветру лист металла или рыщущих в темноте лейноров – гигантских сороконожек, которые расплодились в городе, пожирая пищевой мусор и нечистоты.

Сигнал тревоги прошел в комнату ожидания, где вся группа должна была бодрствовать, но там никто не бодрствовал, все спали в оружейной, побросав на бетонный пол доставленные из дому термоциновки.

Поскольку группу несколько раз поднимали, как они считали, впустую, теперь сигнальную колонку заглушал надетый на нее старый башмак, приоткрытый для верности скотчем.

Башмак идеально гасил надрывный трезвон тревожной сирены, и после пяти минут ожидания ответа о готовности старший смены помчался в дислокацию группы с пистолетом наготове, будучи уверенным, что в живых там никого не осталось.

Отперев замок универсальным ключом, он ворвался в дежурку. Увидел подпрыгивающий на тревожной сирене башмак и услышал дружный храп, доносившийся из оружейки, дверь в которую была приоткрыта. При этом, по правилам несения службы, никто не имел права входить в оружейную комнату до сигнала тревоги.

Увидев все это, взбешенный старший смены стал пинать развалившихся в оружейке охранников и стрелять в потолок, вышибая бетонную пыль и осыпая перепуганных охранников мелкими обломками и изошренными ругательствами.

Лишь спустя четверть часа после сигнала тревоги двенадцать рослых бойцов в бронежилетах и шлемах, с дубинками в руках и пистолетами на поясе выдвинулись на реальную операцию.

Этот момент снимали с трех точек – три разные заинтересованные стороны.

Безо всяких препятствий группа быстрого реагирования добралась до подозрительного автомобиля, и недолго думая ее бойцы с криками выскочили из-за ближайшей фуры и за десять секунд повыбивали в машине все стекла, а затем выволокли через окна двух сопротивлявшихся лазутчиков.

Те успели залепить в глаз троим из группы, но потом были жестоко наказаны, и какое-то время все желающие били пленников сколько хотелось.

Когда те уже лежали и не поднимались, старшему группы пришлось в голову проверить карманы злодеев, и там он обнаружил удостоверения ИСБ.

Документы переходили из рук в руки, и каждый выражал общее мнение всего парой слов – о скорой и неотвратимой перспективе, ожидавшей их.

Стали вызывать старшего смены.

– Сэр, вы должны взглянуть на это сами.

- Да что там интересного?
- Кое-что интересное имеется.
- Вы их убили, что ли?
- Нет, вроде не убили.

Старший смены вздохнул. Приключения для него в эту ночь еще не закончились.

Спустя две минуты он, запыхавшийся, в сопровождении еще двух охранников, примчался к месту разборки и, увидев лежавших на земле злодеев, не придавал этому большого значения.

- Ну, что тут не так? Вас что, всему учить нужно?
- Тут это... Ну вот...

С этими словами старший группы подал начальнику смены удостоверения ИСБ.

Тот какое-то время смотрел на них, перекладывая из руки в руку, потом посмотрел на старшего группы сумасшедшим взглядом и сказал:

- Да вы что?!
- А мы-то чего? Мы только потом узнали... – пожал тот плечами и повернулся к своим товарищам за подтверждением.

Они закивали, говоря: «Да, так и было».

– Я не хочу ничего этого видеть, – прошипел начальник смены, оглядываясь. – Просто сделай так, чтобы ничего этого тут не было.

Бросив удостоверения на асфальт, начсмены развернулся и быстро пошел прочь.

Тут уже и бойцы группы опомнились, забросили пострадавших злодеев обратно в машину с битыми окнами, сунули им в карманы их удостоверения, потом подогнали внедорожник и, подцепив технику противника, утащили прочь.

За всем этим представлением наблюдали двое с крыши высотного здания, располагавшегося в полукилометре от места событий.

Оторвавшись от мощного объектива, один из двух потер затекшую шею и сказал:

– Идиоты, одно слово. Обычные городские идиоты. И почему там, наверху, кто-то решил, что это объект «кузенов»?

– Да уж, «кузены» с такой охраной долго бы не продержались. Если, конечно, это не театр.

– Театр, Фил? Да ты посмотри, какие у них рожи? Там даже таблица умножения не удержится, а ты – театр!..

- Ну я не знаю...
- Чего ты не знаешь? Мы тут две недели кукуем, и никаких изменений. Разве не так?
- Так, – неохотно согласился напарник.
- Ну а если так, разбирай треногу – я ставил, ты убираешь, так мы договаривались.

Напарник еще раз вздохнул и принялся сворачивать оборудование. И эта сцена записывалась на многоспектный аппарат с несколькими объективами, который уже две недели следил за этими наблюдателями ИСБ.

Спустя несколько минут в один из кабинетов в подземном складском комплексе поступил доклад:

- Сэр, похоже, они поверили.
- Снимаются?
- Так точно.

– И эта идея нашего шефа сработала. А ведь я поначалу сомневался – прикрываться обычной, не самой лучшей охранной фирмой. Как с ней взаимодействовать? И вот поди ж ты – получилось.

Однако прикрываться не самыми лучшими охранными бойцами – это лишь второстепенная идея Винсента Нанта. Главная состояла в том, чтобы «разделить» территорию на два якобы отдельных коммерческих предприятия, каждое из которых привлечет для охраны наружного

маскировочного периметра свою охранную фирму. Для одной части территории выбрали средненькую, каких в городе предостаточно, а для второй части территории, где якобы разместилась IT-компания, подобрали фирму получше. Поскольку две территории располагались по соседству, разница в подготовке и дисциплине охранников сразу бросалась в глаза стороннему заинтересованному наблюдателю, который напрочь отбрасывал мысль о том, что этот огромный складской комплекс являлся единым целым.

20

Среднескоростной лайнер для средних дистанций, со средним уровнем комфорта и обслуживания покинул зону посадки, где в насыщенном трассах «прибрежном» космосе приходилось двигаться с ограниченной скоростью, не позволявшей перейти на сверхскорость.

Второй пилот взглянул на показания диаграмм развиваемой мощности двигателей и, повернувшись к первому, сообщил:

– «Четвертый» и «седьмой-альфа» не готовы развивать переходную мощность.

– Вот задница, так я и думал!.. – воскликнул первый пилот и, поднявшись с лежанки, которую вопреки правилам пилоты устроили прямо в рубке, тут же сморщился. Добравшись до холодильного шкафа, он достал витаминизированный мусс, лишь отчасти напоминавший фруктовую воду.

Он бы с удовольствием вылил эту дрянь в отходы для последующего отстрела в космические дали, однако витаминизированный мусс нелимитированно и бесплатно выдавался компанией, а за фруктовую воду приходилось платить из собственного кармана, при этом карманы пилотов средних магистралей были не такими глубокими, как карманы пилотов элитных лайнеров.

Треть пилотов «средних» лайнеров как раз происходила из бывших судоводителей элитных пассажирских дримлайнеров, пристрастившихся в свое время к алкоголю, химическим или электронным наркотикам. Вредные пристрастия заставляли их скатываться на самый низ, до уровня стюардов, и только неоднократные курсы очистки помогали им снова возвращаться в рубку, но уже на судах компаний с куда меньшим статусом.

– Хватит жрать мусс, дай команду, иначе пропустим точку разгона!

– А какую тебе команду нужно? – скривившись, уточнил первый пилот, с трудом глотая пищевой водозаменитель.

– Сам выбирай, мне командирских надбавок не платят.

– Ох и тварь же ты, Симон!

– Спасибо, сэр. Так какой будет ваш ответ? До истечения срока принятия решения минута сорок секунд.

– Ну а какие тут варианты? Всем остальным движкам развить обороты для компенсации недостающей тяги.

– Это официальное заявление? – уточнил второй пилот.

– Ну ясен пень, – кивнул первый и, икнув, снова присосался к баллону с муссом.

– Как скажете, сэр, – легко согласился Симон и продублировал команду через панель управления. После чего «здоровые» двигатели получили приказ прибавить оборотов сверх штатной нагрузки, а «дохлым» разрешили выдавать ту мощность, на которую они были способны.

Утолив жажду, первый пилот вернулся на нелегальную кушетку и, закинувшись какими-то таблетками, прикрыл лицо фуражкой.

– Как будешь отмазываться перед главным инженером, Пит? – с ухмылкой уточнил второй пилот.

– Скажу, что движки не развивают...

- А он запросит службы главного механика. И те забудут тебе по самые гланды.
- Скажу им, что подрядчики напортачили.
- Главмех свяжется с мистером Исби, а тот достанет тебя из-под земли и докажет, что наша колымага под твоим профессиональным руководством у подрядчиков никогда не появлялась. И никто никакого капитального ремонта движкам не делал.
- А я скажу, что бабки переводил, а подрядчик их, видимо, не получил, – отозвался из-под фуражки первый пилот.
- А они всей толпой поднимут с постели банкира Конверда, и он пошлет к тебе свою веселую команду с обрезками труб.
- Когда ты был первым, такое случалось? – уточнил первый, выглянув из-под фуражки.
- Второй пилот ответил не сразу, еще раз мысленно пережив все те унижения и страдания, которые ему пришлось вынести, прежде чем он наконец попал в больницу.
- Да, сейчас он смеялся над первым и подкалывал его, однако, представив, что того ждет в скором времени, зажмурился и тряхнул головой, ведь с ним происходило то же самое – трата денег на капитальный ремонт двигателей, девки, алкоголь, праздник каждый день. А потом рейс на дребезжащем, неухоженном корыте, которое едва развивает маршевый режим, а ему, поди ж ты, требуется совершить прыжок.
- Не будет прыжка, будет коллективный судебный иск со стороны пассажиров, штрафные выплаты со стороны компании и так далее.
- Но профессиональных пилотов мало, и те, кто в порядке, работают на «элите», а тех, кто «не в порядке», подбирают компании среднего уровня.
- И там выхода нет: одного загулявшего меняют на того, который вроде бы в завязке. Но, оказавшись на месте первого пилота, субъект развязывает завязку, и все движется по кругу, в конце которого молодчики с обрезками труб.

21

- Судно вошло в прыжок, длившийся тридцать семь минут. Потом вышли на флагманский режим, в котором предстояло двигаться два часа, чтобы, преодолев перегруженный район, снова рвануть сквозь пространство, пожирая ресурс неремонтированных двигателей.
- Ты видел того уродя, который пытался попасть в рубку? – спросил первый пилот, немного пришедший в себя после пребывания в зоне прыжка.
 - Видел. Он дважды дергал дверь – наверное, думал, что тут все перепились и забыли запереться.
 - Перестань, – после паузы попросил первый.
 - Ну, извини. Похоже, он не догадывается, что тут все под наблюдением.
 - Эй-эй, ты перекличку не проспай, а то во второй эшелон поставят! – напомнил первый пилот.
 - Я слежу. Пока тут каботажники кучкуются, до нас еще не скоро доберутся.
 - Ладно, – выдохнул первый пилот, с облегчением вытягиваясь на нелегальной кушетке.
 - А может, это проверяющий агент из головной компании? – сказал он спустя полминуты.
 - Кто?
 - Я говорю, может, это проверяющий агент из головной компании?
 - Ты про того, который в дверь ломился?
 - Про него.
 - Не думаю. Морда какая-то жуликоватая. Проверяющие все наглые, самоуверенные и... Тут второй пилот вспомнил недавнюю историю своего падения и добавил:
 - И жестокие, циничные твари.
- На панели замигала аварийная закладка, прозвучал тревожный сигнал.

- Что там? – не поднимаясь, спросил первый пилот.
- Метеоритная опасность вроде...
- Откуда здесь метеоритная опасность? Мы в зоне класса «А», здесь все эшелоны при-

крыты.

Первый пилот поднялся, одернул мятый китель и, кое-как пристроив фуражку, подошел к панели.

Действительно, там мигала закладка метеоритной тревоги, однако имелся дополнительный файл, прикрепленный к сигналу диспетчерской службой.

- Эй, ты чего приложения не читаешь?!
- Ну ты же прочитал.
- Это обязанность второго пилота, между прочим.
- Ой, только не надо про обязанности, ладно? Что там написано?

Первый вздохнул и, распрямившись, сказал:

- Глобальная система в ступоре.
- Чего?

– Нам сообщили, что в ближайшие десять минут глобальная система защиты с нашей стороны тактической сферы работать не будет – авария на спутнике навигационного центра.

– Да они сдурели, что ли?! – воскликнул второй пилот и, соскочив с удобного табурета, принялся нервно расхаживать по рубке.

- Это еще не все. На границе тактической сферы метеоритный шторм.
- Шторм? Значит, стопудово будет занос метеоритного материала в сферу.
- Будет, – согласился первый пилот, чувствуя, что начинает окончательно трезветь.
- Десять минут, говоришь?
- Ну да, там так написано.

– Зная, как далеко от границы сферы мы находимся, можно посчитать, успеет ли нас накрыть штормовым материалом.

– Точно, давай считать! – обрадовался первый пилот и снова склонился над панелью управления. Второй пилот встал рядом. – А как считать, ты помнишь?

- Нет.
- А чего же тогда предлагаешь? – спросил первый и, распрямившись, укоризненно покачал головой, отчего мятая фуражка съехала на ухо.

– Ну это же в принципе несложно. Нужно только знать скорость движения метеоритного шторма.

– И как ты его узнаешь?

– Ну типа... найти статистику. Можно в спейснете поискать, – пожал плечами второй пилот.

– У нас нет на это времени, может, у нас прямо сейчас перед носом куски скал пронесутся!.. – начал распалаться первый.

– Нет, рано еще. Они не успели еще долететь, а уж куски-то скал у нас на радаре сразу бы траекторию оставили.

– Да, – после небольшой паузы кивнул первый пилот. – Интересно, почему у них этот спутник отказал?

- Деньги на «капиталку» пропили.
- Ну хватит уже!.. Я серьезно!..
- И я серьезно. Это первое, что приходит в голову.

Они еще немного помолчали, невольно прислушиваясь к своим ощущениям. Казалось, теперь они чувствовали целиком весь корпус судна, ведь попадись он на пути летящей скалы...

- Слушай, а это может быть штифт? – предположил первый пилот.
- Где штифт? – уточнил второй, начав озираться.

– Нет, я не имею в виду, что штифт в виде предмета, а штифт как ситуация.

– То есть нет никакой метеоритной угрозы?

– Ну да.

– И сообщение вон на ситуационном экране... оно тоже часть штифта?

– А почему нет?

– Вряд ли, – покачал головой второй пилот. – Штифт у нас в пристройке у машинного отделения. Там место самое штифтовое – наложение переходных фаз сразу от трех генераторов. При каждом разгоне штифты только укрепляются.

– Кстати, вчера механик жаловался, что штифт к нему заходил.

– В качестве кого?

– Он не уточнял. Сказал, что было, и все. Я уточнять не стал.

– Ты был вчера не в том состоянии.

– Не в том, – вздохнул первый пилот.

Прошла еще пара минут, судно двигалось прежним курсом, и ничего не происходило.

Оба пилота уже стали успокаиваться и начали строить планы на «после дежурства», когда обсуждение их прекрасных, но весьма ожидаемых перспектив было нарушено внезапным шумом, от которого завибрировал корпус «Синдереллы».

Пилоты переглянулись. Но не успели они высказать предположение о причинах шума, как он повторился.

– Проблемы, старик, – хрипло произнес второй пилот, опасаясь даже предположить, что там разваливается внутри судна, издавая такой грохот.

Первый тотчас ударил по клавише экстренной связи с механиком.

– Эй, что там у вас?! Что там у вас грохочет?! Отзовись, Бирд! Отзовись, старый пропойца!

– Бирд на связи, – отозвался механик и откашлялся. – Ничего у нас не грохочет, это пушка метеоритная работает.

– Какая еще пушка?!

– Что значит «какая»? Штатная пушка противометеоритной защиты.

– Ее же сняли, когда проводили апгрейт этой посуды!

– Да, я тоже так думал, но она бабахает – стало быть, все на месте.

– Ну и сюрприз...

– А куда же она бабахает? – спросил механик, но первый пилот уже отключился от связи.

– И что он сказал? – спросил второй, и в этот момент корпус снова задрожал от сработавшей пушки.

– Ты же сам все слышал.

– Значит, правда? Это пушка работает?

– Значит, пушка, – кивнул первый пилот, затем стащил с головы фуражку и промокнул ею проступивший на лице пот. Судно, прежде казавшееся ему таким крепким, какие сейчас не делают, теперь уже не выглядело таким прочным, учитывая обстоятельства, о которых он начал догадываться.

– Ты чего? – шепотом спросил второй пилот, морщась от очередного удара пушки и чуть пригибаясь, как будто боясь, что на него обрушится потолок.

– Если не сняли пушку, значит, остался блок наведения и радар, видимо. Так?

– Видимо.

– А где он может быть?

– Там, – второй пилот указал на пластиковую накладку, которой закрыли отверстия от снятых мониторов и клавиатурных стенов.

Первый подошел к черной пластиковой пластине и, поддев ее линейкой, легко снял, после чего они со вторым пилотом обменялись удивленными взглядами.

Вся прикрытая часть приборов на панели управления не только не была демонтирована, но исправно функционировала. На полную силу работал радар противометеоритной защиты с функцией оптического моделирования, и теперь пилоты увидели, что уже несколько минут находятся под угрозой уничтожения, поскольку мимо их судна пролетали многотонные скальные обломки, вращаясь и сверкая острыми кромками.

Затаив дыхание, пилоты «любовались» этим зрелищем еще с полминуты, после чего экран радара очистился и пушка замолчала.

И почти тотчас пришло жизнерадостное сообщение от службы глобальной метеоритной защиты о том, что метеоритный шторм сместился, а служба восстановила все свои защитные функции по контролю безопасности транспортных эшелонов в этом районе космоса.

– Ну вот, вроде проскочили, – сказал первый пилот и обессиленно опустился на нелегальную кушетку.

– Интересно, зачем этому корыту пушка? – спросил второй.

– Затем, что ему сто лет в обед и оно ходило в рейсы в те времена, когда не было заботливых навигационных постов и станций противометеоритной защиты. Когда каждый был сам за себя.

22

Между тем пассажир, оказавшийся на записях камер наблюдения у двери в рубку, еще какое-то время наблюдал за дверью, выглядывая из-за угла служебного коридора. Он надеялся дождаться, когда выйдет кто-то из пилотов, – у него было к ним дело, которое хотелось решить без лишних свидетелей, а тут, раз за разом, появлялись какие-то служащие, и ему приходилось делать вид, что он заблудился.

А этот странный грохот! Поначалу он даже испугался – так сильно загудела стена и, самое главное, неожиданно. Он ждал, что вот-вот включится сирена тревоги. Но ее не было, а грохот продолжался еще около десяти минут, и от него вибрировали все перегородки.

Потом все прекратилось, и пассажир решил для надежности связаться с начальством, пока не случилось еще чего-то совсем непредвиденного, а потому поскорее вернулся в каюту третьего класса.

Каютка была крохотная, но все же с удобствами внутри. Она располагалась в «полуподвале», откуда на первый ярус нужно было подниматься по небольшой лесенке. И это было удобно, поскольку, поднимаясь, пассажир уже видит, кто находится в коридоре, в то время как сам остается незамеченным.

А еще из полуподвала он хорошо видел дверь каюты объекта, за которым его послали приглядывать.

Ответа пришлось ждать долго, поскольку это был дальний эшелон и оборудование на здешних станциях связи обновлялось редко.

Наконец пассажиру ответили:

– «Пятьдесят девятый». Слушаю.

– Сэр, это «сто тридцатый».

– Что случилось? Почему вышел на связь в неурочный час? – забеспокоился начальник.

– Нет-нет, сэр, все в порядке. То есть не все в порядке, поэтому и связался с вами в неурочный час.

– Говоря яснее, у меня еще два канала открыты!

– Короче, тут шумы какие-то были. Нештатные.

– Какие шумы, ты пьян, что ли?

– Сэр, мне не удалось надавить на пилотов.

– Почему?

– Не смог неожиданно нагрянуть к ним в рубку, таким образом фактор внезапности сработать не смог.

– Но у тебя же спецключ!

– Я пробовал, не проворачивается.

– Может, там электронный замок?

– Нет, судно старое.

– Почему не подошел спецключ, он же открывает все?!

– Не все. У них там какой-то самодельный замок. Там такая фиговина, а к ней резинка.

И когда дверь захлопывается...

– «Сто тридцатый», что ты несешь?

– Я «несу», что в кабину никак не попасть!

– Если ничего серьезного, выходи на связь в положенное время. Отбой.

Начальник прервал связь, и пассажир загрузил. Он лег на узкую койку и стал смотреть в покаты потолок, размышляя о том, что в этом закутке могло быть до того, как здесь устроили каюту.

Возможно, хранили постельное белье – вон сколько креплений от полок осталось. Или тут была холодильная камера, и от нее остались эти трубы по торцевой стенке. По ним пускали охлаждающую жидкость, и на них был иней.

А может, все это штифт?

Пассажир даже поднялся и потрогал сначала торчавшие из стены крепления – они оказались настоящими. А когда сделал шаг к трубам, тех уже не оказалось, и на их месте теперь была покрашенная серой краской перегородка.

– Вот зараза, – сказал «сто тридцатый» и вздохнул. Так получалось, что ему на задании всегда попадались каюты и комнаты со штифтом. Он даже возил с собой компактный инициатор, который разгонял штифт. Но в этот раз пришлось собираться слишком быстро, и он забыл приборчик на подоконнике.

Раздался негромкий стук в дверь, и «сто тридцатый» вздрогнул.

Кто это? Он никого не ждал.

Стук в дверь повторился, и лишь после этого пассажир вспомнил, что это такой сигнал вызова на его устройства связи, чтобы не демаскировать себя пиликаньем или трезвоном и не настораживать этим потенциального противника.

А стук он и есть стук. На пассажирских лайнерах постоянно кто-то где-то стучит.

«Сто тридцатый» ответил и услышал голос начальника:

– Слушай, тут такое дело... – Говорящий, похоже, волновался. – Пришло срочное сообщение. Руководству стало известно, что на Химках объект ждут «кузены» и, скорее, всего будут делать перехват. А у нас там пусто – прикрыть совершенно нечем.

– Я понял, сэр. Но одному мне его не прикрыть, – сказал «сто тридцатый» и покосился на дверь, будто «кузены» уже находились за ней.

– Не перебивай. Через четыре часа вы будете проходить развилку Элеонора-два. Раньше там была станция переработчиков, теперь она пустует. Ваш основной маршрут пойдет прямо, но есть другой эшелон, который числится как запасной, и тебе нужно сделать так, чтобы судно свернуло на него и там проложило новый маршрут.

– Но... Но куда мы попадем, сэр?

– Вы будете двигаться до станции Джильс, и мы к тому времени сумеем организовать там встречу, а «кузены» не успеют. Ты понял меня, «сто тридцатый»?

– Понял, сэр.

– Тогда сделай это.

– Есть, сэр, – ответил агент и, когда сеанс закончился, спрятал прибор связи. Потом взглянул на часы и снова лег на койку.

До завтрака оставалось два часа, и он мог себе позволить вздремнуть.

23

Проснувшись по судовому будильнику, Брейн чувствовал себя не слишком бодро. Было такое ощущение, будто накануне он немного перебрал.

Но он не пил вовсе, а значит, таково было влияние каюты, которая ему досталась, к тому же наверняка здесь было полно штифта – все углы каюты, даже закругленные, выглядели подозрительно темными.

Как бы там ни было, он принял водные процедуры, помассировав тело под струей тепловатого водозаменителя, потом поприседал, поотжимался и, включив ТВ-бокс с пыльным экраном, поискал что-то повеселее, остановившись наконец на конкурсе ритмичных танцев.

Сами танцы его не заинтересовали, но музыка бодрила.

Он взглянул на часы – завтрак должны были доставить через двадцать минут. Ну или известить о том, что накрыто в столовом зале, однако Брейн подозревал, что никакого столового зала тут нет.

В положенное время в дверь постучали, и Брейн впустил служащего, который закатил какой-то ящик на ножках и подал пассажиру засаленный планшет с меню.

– Так, посмотрим, что тут у нас... – произнес Брейн, пролистывая страницы.

– Да то, что и всегда, сэр, – буркнул сотрудник.

– Я вижу, – кивнул Брейн, заметив, что после пятой страницы снова появилась первая.

– Давай тогда кашу, вот этот йогурт...

– Это не йогурт.

– А что же это? Написано «йогурт».

– Возьмите фруктовый мусс.

– На водозаменителе, что ли?

– Нет, сэр, это не тот мусс. Этот мусс – блюдо.

– Хорошо. Тогда еще две булочки и какао. Какао на воде?

– Какао на воде.

– Тогда все, – подвел итог Брейн, возвращая планшет, после чего служащий, закатав рукава корпоративной спецовки, начал выбирать в большом коробе заказанные картриджи и вставлять их в ячейки переносного мейдера.

Уложил, захлопнул крышку и спросил:

– Вы как сегодня спали, сэр?

– Не очень хорошо, – признался Брейн. – Стенки сильно вибрировали.

– Это от пушки, – негромко произнес сотрудник заговорщическим тоном.

– От какой пушки?

– Я точно не знаю, но слышал, как механик говорил, что у нас на третьей технической палубе вдруг заработала пушка.

– И что это за пушка такая?

– Не знаю, я не специалист.

В этот момент сработал сигнал, и ячейки открылись, выбросив разбухшие картриджи.

– Вот вам блюда... А вот столовые приборы, – служащий выгрузил названное на узкий столик.

– А стаканчик для какао? – напомнил Брейн.

– Там трубочка прилагается! Приятного аппетита!

Дверь закрылась, и Брейн приступил к завтраку.

Оказалось, он давно отвык от еды столь низкого уровня. В этих картриджах каждая молекула была произведена на фабрике.

После такого завтрака у Брейна появилось ощущение, будто он наелся пластиковой бумаги, поэтому он решил пройтись по судну и найти бар, чтобы запить эту еду, все равно чем.

Хотя судно было в несколько раз меньше, чем лайнеры компании «Спейсперл», коридоры здесь были узкие, многочисленные и очень запутанные, кроме того, что самое неприятное, они не соответствовали развешанным повсюду схемам.

Расспросы персонала мало чем помогали, поскольку местные опирались на только им известные ориентиры, вроде «сразу за дрыгуном», «возле бывшей энзэшки» или «лесенки, с которой механик падал». Тем не менее, дважды пройдя через машинное отделение и один раз через электромеханический склад, он все же нашел бар самостоятельно. Однако тот оказался закрыт.

Брейн не пожелал мириться с обстоятельствами, поскольку слишком долго искал этот бар, и пару раз врезал кулаком по двери.

Его действия сразу принесли результат: из распахнувшейся двери выскочил гоберли с красным от злости лицом, однако, наткнувшись на взгляд Брейна и оценив его массивную фигуру, спросил:

– Военный, что ли?

– Заметно?

– Только военные утром в бар заваливаются.

– Это не потому, что я военный, а потому, что у вас такой завтрак, – заметил ему Брейн и прошел в бар мимо посторонившегося бармена.

Тот пропустил его и, еще раз оглядев коридор, зашел следом и запер дверь.

– Чем изволите залить завтрак? – спросил он, подходя к стойке.

– А что порекомендуешь?

Гоберли выдержал паузу.

– Я не претендую на пойло, входящее в стоимость билета. Я готов заплатить за напитки от мастера, – добавил Брейн.

– Ну тогда я кое-что вам предложу, – многообещающе произнес гоберли и исчез в узком дверном проеме за пространством стойки, а появившись, вынес бокал, до половины налитый зеленоватой жидкостью, которую со дна подсвечивал фонарик-виноградника.

– Похоже на маленький праздник! – оценил Брейн внешний вид напитка и, попробовав, одобрительно кивнул.

– Да, это только для особых клиентов.

– Приятно, что я попал в разряд особых.

– На самом деле не вы, сэр.

– А кто же?

Гоберли взглянул на часы.

– Сейчас сами узнаете, – сказал он и таинственно улыбнулся.

Брейн не стал расспрашивать и разрушать интригу, отдавая должное своеобразному вкусу напитка.

Он так увлекся, забыв про дискомфорт после низкокачественных картриджей, что в первое мгновение не поверил собственным глазам, обнаружив слева от себя красотку лет тридцати пяти, раскрашенную, как на карнавал, в драгоценностях и в вечернем платье. Но, несмотря на излишнюю яркость, все эти детали замечательно подходили к ее роскошным формам.

– Смотри стакан не проглоти, – предупредил с другой стороны мужской голос. Брейн повернулся и увидел стриженного налысо суперколвера в дорогом костюме, но без галстука.

– Твоя, что ли? – просто спросил Брейн.

– Да ты что? Посмотри, сколько на ней драгоценностей, – усмехнулся тот, потягивая голубоватую водичку.

– Бодихранитель?

– Типа того.

– А те двое у дверей? – спросил Брейн, обнаружив еще гоберли и варвара, тоже коротко стриженных и почти квадратных, особенно впечатлял гоберли.

– Тоже мои ребята. Подстраховывают.

– Я гляжу, твоя боди неслабо налегает в это время суток, – сказал Брейн, замечая, что красotka заметно отпила уже от второго бокала.

– Это она только прогревается. Сейчас Грин горючку покруче принесет, вот тогда она завязнет по-настоящему.

Брейн еще раз посмотрел на соседку, теперь уже с известной долей уважения.

Из узкой дверцы за стойкой вынырнул бармен с целой батареей бутылок, ценники которых допрыгивали до месячного жалованья Брейна.

Быстро убрав дешевые подделки, Грин начал расставлять дорогие бутылки. Брейн покопался на суперколвера, и тот, усмехнувшись, сказал:

– Она не против, чтобы ты угостился, значит, выпьешь за ее счет.

– С чего ты решил, что она не против? – спросил Брейн и снова взглянул на даму, которая по-прежнему была полностью поглощена выпивкой. Правда, бармен что-то готовил для нее в сборном картридже – какую-то эксклюзивную еду.

– Она не против. Когда мы только вошли, она сказала: «Этот пусть останется». Иначе бы мы тебя попросили отсюда.

– Заманчивое предложение, но я с утра не привык.

– Но ты же здесь.

– Это из-за завтрака. Хотелось чем-то сбить мерзкий привкус, – объяснил Брейн.

Между тем бармен уже выхватывал из мейдера почти раскрывшийся картридж. Когда тот упал на блестящий поднос, то раскрылся сам, и Брейн увидел набор из разноцветных шикарных блюд, будто из дорогого ресторана.

Заметив его удивленный взгляд, бармен подмигнул:

– Я заготавливаю картриджи сам. А корпуса для них делают механики по моим чертежам!

– Он реально крут, – заговорила наконец красotka и посмотрела на Брейна в упор. – Оставайся, парень, сейчас Грин включит музыку, и я стану танцевать.

– Я даже не знаю, мэм. Мне кажется, я тут лишний.

– Ты не лишний, – покачала головой красotka и откинула назад длинные волосы. – Ты гость. И потом...

Тут она в три глотка опустошила бокал с крепчайшим коктейлем и, посмотрев на Брейна, облизала пухлые губы.

– И потом... я буду танцевать голой. Совсем.

Брейн удивленно взглянул на суперколвера, и тот, даже не глядя на гостя, кивнул. Дескать, все так и есть.

После такого приглашения уходить было как-то неловко, и Брейн остался.

Тем временем, прикончив еще одну дозу горячительного, красавица шагнула к Брейну и, касаясь губами его уха, прошептала:

– Ты, конечно, потрепан жизнью, приятель. Но мне нравятся зрелые мальчики вроде тебя. Меня зовут Калипсо.

– Спасибо, Калипсо, – ответил он, чувствуя неловкость в такой ситуации, когда эта непростая красotka оказывала ему внимание в присутствии трех телохранителей и бармена. Как бы не пришлось за это платить дополнительно.

Грин включил музыку, и Брейн ожидал какого-то эффектного раздевания с разбрасыванием вещей, однако с Калипсо просто упало платье, и она переступила через него, оставшись в золотистых туфлях на высоком каблуке и в своих драгоценностях.

Бармен чуть убавил свет, включил небольшие софиты, и она стала танцевать, причем, несмотря на свои заметные формы, выглядела вовсе не вульгарно.

– Кто она такая? Жена богатого бандита? – спросил Брейн, встав рядом с суперколвером.

– Почти. Подруга банкира.

– Видимо, раньше она танцевала в заведении, и так они познакомились, – предположил Брейн, любуясь Калипсо, которая танцевала, забыв обо всем, и в этом ей, конечно, помогал алкоголь.

– Ты прав.

– Я так понял, что он ее очень ценит, раз нанимает сопровождение, почему же ей дозволено...

– Представать перед нами в таком виде? – угадал суперколвер.

– Ну да. Ведь это небезопасно. Три мужика и она – без одежды.

– Нас пятеро, еще двое отдыхают. Это во-первых. А во-вторых, мы заряжены электрофомом, а потому на нее совершенно не реагируем.

– А это не вредно?

– Нет. Приезжаем с задания, нейтрализуемся и вперед – к шлюхам.

– Понятно. Но я ничем не заряжен, и мне немного не по себе.

– Сейчас она закончит, и ты уйдешь.

– А она снова будет пить?

– Да. Потом еще пара танцев, и мы тоже уйдем.

– Но куда такая обеспеченная женщина направляется на таком потасканном судне? – спросил Брейн, стараясь воспринимать Калипсо нейтрально, однако у него плохо получалось.

– У босса проблемы. Правильнее сказать – война. Поэтому он решил отвезти ее туда, где безопасно, а безопасно только в глуши, куда не делают рейсов большие лайнеры.

24

«Сто тридцатый» получил свой завтрак позже всех, потому что ехал в третьем классе. Однако он так и не смог оценить качество еды, поскольку все его мысли были заняты тем, как проникнуть в кабину к пилотам. Время шло, и судно приближалось к критической точке, после которой либо «сто тридцатый» сможет повернуть его на всеми забытый эшелон, либо его самого турнут со службы, потому что это ему уже пообещали.

Были мысли вызвать тревогу ложным поджогом или продырявить какие-нибудь магистрали – чтобы выкурить пилотов из запертой кабины, но как тогда давить на них при всех, кто сбежится чинить и тушить?

Это было проблемой.

Оставалось надеяться на случай, и чтобы дожидаться этого случая, «сто тридцатый» отправился в служебную часть судна, где накануне уже пытался прорваться в кабину.

А тут еще этот завтрак! Он уже и забыл, что где-то могли кормить такой дрянью.

Между тем едой традиционно не были довольны и пилоты, хотя им подавали еду на один класс выше, чем пассажирам.

– Как ты можешь есть эту дрянь с таким удовольствием? – в который раз спрашивал напарника второй пилот.

– С удовольствием? Где ты видел удовольствие?

– На твоём лице и видел. Ты даже розовый шпинат съел. А это же... – Второй пилот неодобрительно покачал головой.

– Просто я не обращаю внимание на то, что ем.

– А почему?

– Потому. Вот ты обращаешь, и что из этого выходит?

На аварийном секторе панели управления загорелась лампочка, и, потянувшись, первый пилот погасил ее – третий раз за час.

– Что ты там все время отключаешь?

– Нагнетатель перегревается.

– А если встанет?

– Не встанет. В любом случае их у нас четыре.

– Но с тремя на сверхрежим нам не выйти.

– Да успокойся ты, все будет в порядке, – отмахнулся первый пилот.

– Нет, я так больше не могу... – Второй пилот сбросил в мусорный мешок пустые картриджи коллеги и полупустые свои. – Пойду выброшу.

– Для этого есть персонал.

– Пройдусь, а то этот завтрак не усваивается.

– Ну пройдишь, – пожал плечами первый, считавший напарника неженкой.

Но едва второй пилот приоткрыл дверь, она распахнулась так, что вышибла из его рук мешок с мусором, и в кабину влетел тот самый странный пассажир, которого они видели на видеозаписи.

Однако теперь он был еще и с пистолетом.

– Ну что, допрыгались?! – крикнул он и нервно засмеялся. Потом, опомнившись, закрыл дверь и запер на самодельную защелку.

– Вон почему ее универсальный ключ взять не мог, – прокомментировал он.

– Кто ты такой и что тебе нужно? – спросил первый пилот.

– Я тот, чьи приказы вы будете выполнять.

– И каков будет твой первый приказ?

– На Элеоноре-два вы пойдете на запасной эшелон.

– Но он давно не используется, – осторожно заметил второй пилот.

– Ничего, сегодня мы его обновим.

– Но там же это...

– Что?

– Группировка какая-то.

– Какая еще группировка? Ну-ка, ближе к панели! Не расползаться по углам! – строго приказал «сто тридцатый», размахивая пистолетом.

– А как тебя зовут, парень? – спросил первый пилот, у которого еще не до конца выветрился алкоголь, и потому он смотрел на ситуацию иначе.

– Просто говори мне «сэр», и этого будет достаточно!

– Хорошо, сэр, чего ты хочешь и не боишься ли ты того, что тебя потом выловят и посадят?

– Представь себе, не боюсь. Давай вбивай там новые ориентиры в маршрут, чтобы не получить потом пулю за невыполнение моего приказа.

– Да пожалуйста, вобью я тебе, какие хочешь. Но тебя в конце концов выловит ИСБ, и никуда ты от нее не денешься.

– Какая еще ИСБ? Вот эта, что ли?! – воскликнул «сто тридцатый», выхватив из кармана свое удостоверение, голограмма которого эффектно заискрилась в полутемной рубке.

Тут же он подумал, что зря это сделал, и спрятал удостоверение так же быстро, как и выхватил, однако его действие уже произвело должный эффект.

– Ну так бы сразу и сказал, – пожал плечами первый и стал вводить в маршрут нужные поправки.

– Фу, действительно, – выдохнул второй пилот и безбоязненно присел на нелегальную лежанку. – Я уж подумал, террористы. Тут ведь самая их территория начинается.

– Какая такая территория? – уточнил «сто тридцатый», стоя с пистолетом наготове и от этого начиная чувствовать себя полным идиотом.

– Мы когда их станцию в оптиматор разглядывали, всегда испытывали такое странное чувство... – вспомнил первый пилот и зябко повел плечами. – Прямо не станция, а какой-то гигантский космический монстр.

– Ну-ка уточните, о чем идет речь? Возможно, моя информация более полная, а ваши сведения давно устарели, – важно произнес «сто тридцатый», убирая пистолет. На самом же деле его насторожило сказанное пилотами.

– Мы говорим про переработчиков. У них там, на Каванзаре, целая террористическая база имеется. Прежде на ней работали обогатительные заводы, плавильное производство. А потом компания обанкротилась, и новые хозяева попросили ее сотрудников уехать, но персонал потребовал оплатить работу, а им на тот момент много задолжали. Новая администрация предложила в разы меньше, работники не согласились, тогда туда двинули наемную армию, и началась настоящая война.

– Ничего себе! – поразился «сто тридцатый», который об этом ничего не слышал, ведь прежде ему приходилось работать совершенно в другом районе, а тут начальство срочно вызвало и сказала – давай, на тебя вся надежда. Он даже удивился немного, потому что прежде его старались не ставить на серьезные задания, чтобы потом не разочаровываться. А тут раз – и поставили. – И что, кто там победил?

– Через полгода остатки наемников убралась – очень уж там климат неблагоприятный. Через каждую примерно сотню суток приходит ураган, да такой, что камни как пули летают, так что всю растительность сметает, не то что живых существ. Переработчики к этому были хорошо подготовлены, а наемники – не очень.

– Ты откуда про это так много знаешь? – поразился второй пилот, который, как и странный гость, слушал первого с интересом.

– А я как-то со скуки поднял архив сообщений и стал перечитывать. Сначала сообщения, потом информационные справки и даже исторические. Так понемногу и набралось.

– Так их из-за этих дел террористами называют? – уточнил «сто тридцатый».

– Нет, у них имеется свой небольшой флот, и они, случалось, захватывали коммерческие суда. Потом выменивали их на что-то нужное для себя у владельцев груза. После пары десятков случаев их эшелон и «заколотили», проложили новый, и они уже несколько лет никого не беспокоят.

– Ну понятно, если вылезут из норы далеко – их прихлопнет военный флот или пограничники, – заметил второй пилот.

Они помолчали, каждый по-своему представляя эту ситуацию. По виду их неожиданного гостя было заметно, что он несколько озадачен.

– Так что, парень, ты по-прежнему настаиваешь, что мы должны переться в закрытый эшелон?

– Да, этого не избежать, – кивнул «сто тридцатый» и вздохнул.

– А твоя служба нас потом отмажет? А то ведь нас могут турнуть за такие фокусы, – добавил второй пилот.

– Отмажет.

– А куда нам потом, когда проскочим район Каванзара?

– До станции Джильс.

– Я не слышал о такой станции.

– Я тоже не слышал, – сказал первый пилот, – но мы можем посмотреть в навигационном поиске.

Он набрал на клавиатуре несколько комбинаций, и навигационный экран явил трехмерную модель, где был обозначен их новый маршрут через закрытый эшелон до самой станции Джильс.

– Ну вот, парень, нашли мы твою станцию. Осталось только туда добраться.

25

За полтора часа до развилки, где следовало перейти в закрытый эшелон, судно стало понемногу замедляться.

Предстоящий маневр можно было назвать ввинчиванием с одновременной сменой направления оси вращения. Все эти особенности маневра следовало выполнять для того, чтобы избрать оптимальный путь, когда судно не задевало магнитных, гравитационных и всяких прочих полей, которые в космосе выполняли роль течений в океанах.

В древности, в начале технической эволюции, тихоходные суда не замечали этих проблем, и космос тогдашним капитанам казался пустым и безбрежным, однако по мере того как скорости нарастали, космос переставал казаться «ровной площадкой». А чтобы пройти маршрут без лишних затрат топлива, приходилось вести суда по хорошо разведанным магистралям, чтобы не вязнуть в полевых возмущениях.

Вскоре оптические системы уже могли распознавать ориентировочные объекты, и поставленный на автоматический режим оптимизатор после нескольких минут перебора уже знакомых ориентиров вроде пылевых вихрей, отмечающих гравитационные воронки или мигрирующие по окружности скальные обломки, вдруг отчаянно запищал, не узнавая самый заметный из ориентиров.

– Что он там? – удивился второй пилот.

– Сейчас гляну... – сказал первый, присматриваясь к запыленному экрану. – Ох, вот это картина!

Он даже подался назад от увиденного.

– Да что там такое?! – воскликнул «сто тридцатый», перепуганный такой реакцией.

– Сейчас покажу, – пообещал первый, выводя навигационные ориентиры на большой операционный экран.

Стали появляться пыльные облака различной плотности, формы и цветов, потом ориентиры поплотнее, представлявшие собой взметнувшиеся в космос кучи щебня, из которых можно было построить город на миллион жителей.

А вот и скалы размером с небоскреб, вот светящиеся облака, непонятно из чего состоящие.

«Сто тридцатый» уже собирался высказаться против всей этой эстетики – ему нужны были конкретные ответы на конкретные вопросы, однако тут появился объект, бывший некогда фабрикой предварительной обработки породы.

Станция Цухар, по сути, целый город с парой тысяч персонала, с сотнями поточных линий и собственным портом, манипуляторами разгрузки рудовозов и рукавами погрузки для трейлеров, принимавших в трюмы гранулы очищенного продукта.

Гранулы трейлеры перевозили на космический лифт планеты Каванзар, а пустую породу отстреливали пятидесятитонными болванками в направлении гравитационной аномалии, находившейся в полутора часах полета. Там эти спекшиеся глыбы врезались в хоровод уже крутящихся в аномалии обломков и становились ее частью.

– Ну и что скажешь? – спросил первый пилот, обращаясь к коллеге.

– Так это уже не Цухар, это какой-то голый череп.

– Хорошо сказал, – выдохнул первый и огляделся в поисках бутылки.

– Да вы объясните мне, что происходит, или нет?! – не удержавшись, закричал «сто тридцатый», и лишь после этого, порывшись в архиве, первый пилот выставил для сравнения изображение Цухара, полученное оптиматором три месяца назад.

На старом снимке была брошенная фабрика, обрамленная множеством мачт кранов-погрузчиков с обвисшими снастями. Картина грустная, но гармоничная.

А теперь станция в пятьдесят этажей зияла огромными воротными проемами, куда прежде загоняли сухогрузы. Но мачт не было. Не осталось надстроек, не болтались пучки кабелей, связки тонких трубопроводов.

Остался лишь огромный корпус. Огромный лысый корпус с зияющими, лишенными створок въездными коридорами.

– Это... Это как понимать? – спросил очнувшийся «сто тридцатый».

– Кто-то почистил станцию. Причем почистил грамотно – манипуляторы сняты штатно, створки тоже свинтили аккуратно. По всему видно, что работали профессионалы.

– Может, просто ограбили охотники за металлом? Вон его сколько здесь, – попытался возразить «сто тридцатый».

– Не ограбили, – возразил второй пилот. – Свое забирали.

– Ну а нам-то какое дело? Правьте куда велено и не пугайте меня!

– Мы тебя не пугаем, – возразил первый пилот. – Мы и сами немного того... опасаемся.

– Ладно, что там нужно делать? Ну, типа совершайте маневр и все такое...

– Смена курса уже заложена в автопилот. Я взял маршрут из навигационного архива.

– Ну и хорошо, – кивнул «сто тридцатый» и подумал, что еще никогда он не чувствовал себя настолько неуверенно.

26

Следуя командам автопилота, «Синдерелла» в нужной точке начала выполнять маневр, вставая на давно не используемый маршрут.

Оба пилота и агент ИСБ провожали глазами увеличенное изображение разграбленного завода.

– Ничего, скоро прибавим скорости и пройдем эту трубу с ходу, – пообещал второй пилот, но прозвучало это как-то неубедительно.

А между тем внутри маршрута, который второй пилот назвал трубой, появление гостя было замечено, хотя никто к появлению его здесь готов не был.

Станция обнаружения с набором радарного оборудования находилась в процессе постройки, и базой для нее являлся монтажный буксир, у которого напрочь погорели силовые установки. Однако прочный корпус был в порядке, поэтому из него местное руководство решило сделать станцию ближней разведки, которую впоследствии собирались усилить выносными антеннами, чтобы получать полную информацию о ситуации на ближайших коммерческих маршрутах.

Один оператор и двое монтажников подключали новые блоки и тут же их тестировали, проверяя совместимость. И во время одного из тестовых включений радар четко прорисовал жирную метку.

– Это что еще такое? – удивился оператор и, выключив систему, запустил заново. Однако радар снова показал ту же метку, а когда оператор набрал команду для ее описания, появился четкий перечень характеристик с перечислением массоизмещения, регистрационного номера судна, его названия и имени владельца.

Наблюдавшие за этим монтажники переглянулись.

– Вы видели? – спросил оператор, все еще надеясь, что ему все это показалось. Но оба свидетеля утвердительно кивнули.

– Докладывать надо... – сказал один из них.

– Ясное дело, – выдохнул оператор и вытер рукавом взмокший лоб.

Мигнуло освещение, которое пока работало от временной проводки.

– Ладно, – еще раз согласился оператор и набрал на клавиатуре нужную комбинацию.

Ему тотчас ответил дежурный по режиму, отвечавший за порядок на нескольких объектах, которые переоборудовались прямо на орбитах, а также на двух орбитальных доках, где велась переделка геологоразведочных судов в военные драгстеры.

Артиллерийского и ракетного вооружения для них было недостаточно, зато драгстеры вооружались дистанционными гравитационными захватами, позаимствованными на разгрузочных причалах бывшего перерабатывающего завода.

На причалах захваты были в состоянии удерживать сухогрузы с нестабильным балансом в десятки тысяч тонн массоизмещения. Но суда более скромных размеров могли быть захвачены в открытом космосе на дистанции в пару десятков километров.

Разумеется, это ничто по сравнению с действием корабельной артиллерии, однако цель артиллерии – уничтожение цели, а гравитационный захват предполагалось использовать для пленения судна вместе с его командой и дорогостоящим грузом.

– Что ты сказал? Повтори! – не поверил дежурный. Уже длительное время под руководством Мудрого Вождя их община занималась усовершенствованием своего флота, чтобы получить возможность захватывать суда за пределами их «трубы», а тут поди ж ты, кто-то сам двинулся к ним в гости.

Дежурному предстояло сделать доклад Мудрому Вождю, и он стал лихорадочно соображать, как лучше подать эту новость, с тем чтобы вождь его запомнил.

Однако чем больше он думал и даже пытался что-то набросать на экране монитора, тем сильнее запутывался и волновался. А время шло, и, рассчитывая на какую-то благодарность, он вполне мог попасть под выговор.

Наконец дежурный связался с высокопоставленным абонентом и, слегка заикаясь, доложил о появлении на магистрали постороннего судна.

Вождь переспросил дважды, уточняя параметры судна, поскольку в первое мгновение ему показалось, что речь идет о военном корабле, – ему давно угрожали полной зачисткой. Впрочем, даже очень хороший военный корабль не был достаточным аргументом для общины Мудрого Вождя, это знали даже флотские военные. Поэтому Вождь быстро успокоился и, оттолкнувшись от стенки трюма, подплыл к бригадиру и отдал ему шлифовальную машинку.

Вождь любил показать, что он как все они. Это давало ему дополнительные очки в споре с Бади Лупстерном, руководившим эвакуационным городком на поверхности планеты и не подчиняющимся командам Вождя напрямую, поскольку Бади занимал выборную должность мэра.

Лупстерн давно стал популярен среди домохозяек, в то время как Вождь был непререкаемым авторитетом для мужчин.

Что ж, Вождь сам виноват, не стоило выдумывать эту выборную должность, а теперь бывший друг Бади метил на его место.

Впрочем, сейчас Вождю не до внутриполитических интриг. Требовалось принять решение – пропустить заплутавший лайнер или открыть счет.

С одной стороны, пока у общины не было рейдерских кораблей, которые могли бы догнать, закрепиться, взломать приводные механизмы шлюзов или тупо взрезать крепления погрузочных ворот. Зато там, у второго поворота, стоял пока не используемый док с манипулятором, который в полном сборе укатали от заводских стен.

Вождь предполагал взяться за него месяца через три – была у него мысль, как приспособить гравитационный манипулятор с наибольшей эффективностью, однако сейчас этот гигант-

ский агрегат можно использовать как есть, без переделок. И он прекрасно сработает – Вождь как бывший главный технолог был в этом уверен.

Следовало лишь найти Шварца, оператора агрегата, а с этим могли возникнуть трудности.

В сопровождении четырех телохранителей Вождь подплыл к шлюзу, за которым их ожидал скоростной глейдер. Уже в шлюзе начинала действовать гравитация, и на дистанции в пять метров от дверцы глейдера она достигла девяноста процентов от единицы, принятой на Каванзаре.

– Срочно найдите Шварца! – приказал Вождь, встав на ноги в шлюзе.

Телохранители стали переглядываться. Все они были из нового поколения и не знали прежних известных всей общине личностей.

Кто-то был известен своей силой, другие хорошо играли в кости. Иные были известны своими любовными похождениями – не раз их колотили разгневанные мужья. А Шварц не имел семьи, не гонялся за женщинами и не прикладывался к бутылке, до поры до времени.

Шварц был оператором гравитационного манипулятора и славился тем, что мог укрощать перегруженные рудовозы слабенькой стрелой с тягой в двадцать тысяч тонн, даже когда к причалу подгребали грузы впятеро тяжелее. Как это удавалось Шварцу, никто не понимал, однако руководство компании закрывало глаза на все нарушения, поскольку это позволяло наращивать переработку, не вкладываясь в обновление оборудования.

Поняв, что телохранители – это не те, кто может ему помочь, Вождь связался со своим помощником, и тот пообещал разыскать Шварца.

– Оллиnz, у тебя всего полчаса! Мы должны воспользоваться этим подарком! Наш камрад должен быть где-то в машине, он ее и раньше никогда не покидал!

– Я понял, Джимми... э-э, Мудрый Вождь. Уже лечу на машину!

С этими словами Оллиnz оставил орбитальный офис и помчался на глейдере к причалу, находящемуся в центре одной из ультрагравитационных аномалий, которые тут предпочитали называть бухтами.

Пилот Оллиnz не требовался, он прекрасно справлялся сам, хотя пилотирование столь перегруженного мощностью аппарата требовало особых навыков. Предпочитая обходиться без помощи автопилота, Оллиnz на память знал поверхностные координаты полей и спустя полчаса после краткого выхода на сверхрежим уже швартовал раскаленный глейдер у потертого шлюзного окна гигантского гравитационного манипулятора.

Поскольку гравитацию в коридорах выставили на режим экономии, Оллиnz пришлось скользить и упираться, чтобы поскорее найти Шварца, который должен был спать в одной из служебных каморок. Но как найти нужную, если их здесь полдюжины, на каждую бригаду специалистов своя?

На связь Шварц не выходил, поэтому Оллиnz, не придумав ничего лучше, сорвал пломбу с ближайшей аварийной кнопки, и по сумрачным запыленным коридорам стал разноситься хриплый вой изношенной сирены.

Расчет Оллиnза оказался верным: заслышав сирену, Шварц сам явился на зов – косматый, заросший, с сизой опухшей физиономией.

Увидев его, Оллиnz удивился в который раз – где тот берет алкоголь, да еще в немалом количестве?

– О, комиссар! А ты откуда здесь? – в свою очередь удивился оператор.

– Потом вопросы, камрад! Сейчас нужно срочно действовать!

– Ну ладно, – согласился Шварц и почесался. – А это самое... В каком направлении?

– По нашей «трубе» сейчас пассажирское судно идет. Надо его притормозить.

– По нашей «трубе»?

– Ну по маршрутной траектории! – пояснил Оллинз, видя, что Шварц сейчас не в лучшей форме. Непонятно, сможет ли сработать, как надо.

– А, понял, – кивнул оператор. – Только мощности в батареях маловато. Ты же видишь, комиссар, у нас тут и освещение, и гравитация вполсилы.

– Так заряди батареи! Что же ты аппаратуру на голодном пайке держишь!

– Я бы зарядил, но Джимми сказал... Ну то есть Мудрый Вождь. Он сказал, что нужно экономить топливо, вот я и экономлю.

– Ты, конечно, молодец, но я принес тебе новый приказ – немедленно разгоняй генераторы, заряжай батареи доверху и держи аппаратуру в режиме прогрева, чтобы наверняка дотянуться.

– Ага, понял! – кивнул Шварц, и глаза его загорелись. – Только ты это... подсоби мне, комиссар. Генераторы холодные, нужно будет топливо вручную подкачивать, пока не раскочегарятся.

– Я весь в твоём распоряжении, камрад, давай показывай, куда бежать, – у нас очень мало времени.

Шварц понял и, отталкиваясь то от одной стенки, то от другой, быстро набрал скорость, в то время как Оллинз все никак не мог приспособиться к этой странной половинной гравитации.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.